

© 2012 г. Е.К. СКРИБНИК, О.А. ЗЕЗИНГ

К ОПИСАНИЮ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И МИРАТИВНОСТИ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

Анализ корпуса текстов современного калмыцкого языка (западная ветвь монгольских языков) позволил выявить дифференцированную систему эвиденциальных показателей, в первую очередь аналитических глагольных конструкций с причастиями и вспомогательными глаголами *баа*- 'быть' и *бол*- 'стать'. Различаются прямая и косвенная засвидетельствованность, последняя включает конструкции как общей, так и специализированной семантики (инферентивы, презумптивы и проспективы). Значительная их часть имеет также миративное прочтение.

Цель нашего исследования – выявление инвентаря грамматических средств калмыцкого (западного монгольского) языка, используемых для указания на источник или способ получения информации (эвиденциальность) и для выражения неожиданности сообщаемой информации для говорящего (миративность)¹. Сюда относятся несколько синтетических глагольных форм и значительное количество аналитических глагольных конструкций, причем последние в литературе по монголоведению изучены явно недостаточно.

Материал исследования составляют около 3000 примеров из произведений калмыцкой художественной литературы, фольклорных текстов и современных публикаций. Первым шагом анализа была сплошная выборка первых двух тысяч употреблений всех возможных финитных форм; такая выборка позволила нам зафиксировать относительную частотность эвиденциальных и/или миративных высказываний (см. Приложение). В нижеприведенных таблицах число примеров указывается по этой сплошной выборке; таким образом, наличие десяти примеров означает, что частотность формы составляет около 0,5% всех финитных глагольных сказуемых. Анализ первых двух тысяч примеров позволил выявить частотные и редкие формы с эвиденциальными и/или миративными значениями; как и ожидалось, среди них оказалось большое количество аналитических. Третья тысяча примеров собиралась целенаправленно по более редким формам.

В последующем изложении мы обсудим категориальный статус эвиденциальности и миративности в типологических и монголоведческих исследованиях (раздел 1), затем проведем анализ синтетических финитных форм глагольных сказуемых (раздел 2) и аналитических глагольных конструкций (раздел 3). В Заключение будет представлен список выявленных эвиденциальных и миративных показателей калмыцкого языка.

1. ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ И МИРАТИВНОСТЬ: ДВЕ КАТЕГОРИИ ИЛИ ОДНА?

1.1. Эвиденциальность и миративность в типологических исследованиях

Многочисленные типологические исследования данных категорий в различных языках мира (см. [Chafe, Nichols (eds.) 1986; Willett 1988; Guentchéva (ed.) 1996; DeLancey

¹ Мы выражаем благодарность фонду Фрица Тюссена (Fritz-Thyssen-Stiftung) за финансовую поддержку проекта «Эвиденциальность и миративность в калмыцком языке» (Az 40.10.0.023, 06.2010–09.2011).

1997; Lazard 1999; Johanson, Utas 2000; Plungian 2001; Aikhenvald 2004] и др.) отличаются значительными расхождениями как во мнениях, так и в терминологии².

В сборнике [Chafe, Nichols (eds.) 1986], открывшем обсуждение категории эвиденциальности в современной лингвистике, неоднократно отмечается, что эвиденциальные формы, в особенности «inferential-evidential», сообщение на основе логического умозаключения, могут выражать неожиданность, удивительность для говорящего описываемых им событий [Ibid.: 253].

Позднее миративность была выделена из категории эвиденциальности как отдельная семантическая или грамматическая категория, базирующаяся на противопоставлении информации, уже являющейся частью картины мира говорящего, и информации новой, еще не включенной в картину мира, независимо от ее источника:

The operational definition of the category is that it marks both statements based on inference and statements based on direct experience for which the speaker had no psychological preparation, and in some languages hearsay data as well. What these apparently disparate data sources have in common <...> is that the proposition is one which is new to the speaker, not yet integrated into his overall picture of the world³ [DeLancey 1997: 35–36].

И. Мельчук [Мельчук 1998: 197–198] включает адмиратив в число значений не эвиденциальности, а другой категории – реактивности. Н. Эванс [Evans 2010] рассматривает (не)ожиданность («grammar of expectation»), равно как и другие типы когнитивной модальности (интерес, знания/оценка и др.), в рамках категории «engagement»: «the mental directedness of speech act participants towards the denoted state of affairs».

Во французской традиции (работы Ж. Лазара, З. Генчевой) миративность и эвиденциальность объединяются в рамках более общей категории медиативности; ср. формулировку из [Lazard 1999: 91]:

In languages of South-Eastern Europe and Western Asia evidentials are mainly used to indicate hearsay, inference and unexpected observation. It's claimed that all three values may be subsumed under a more abstract category of “mediative”. A survey of different types of grammaticalization of evidentiality and related notions shows that mirativity as such is only rarely and dubiously grammaticalized⁴.

Однако в монгольских языках, как показала Е.К. Скрибник [Skribnik 2009], значение миративности является одной из системообразующих оппозиций в сфере инфинитных глагольных форм / сказуемых, причем независимо от эвиденциальности; так, в сфере темпоральных конструкций регулярны противопоставления типа ‘прежде чем А, Б, и это неожиданно’ и ‘прежде чем А, Б, и это нормально’. В калмыцком языке имеется специальная миративная частица (см. ниже раздел 2). Все это заставляет еще раз задуматься о соотношении этих двух категорий. Кроме того, как показала работа с языками

² Подробнее об истории изучения эвиденциальности см. [Aikhenvald 2004; Плунгян 2011: 457–463].

³ «Операциональное определение данной категории заключается в маркировании как утверждений на основе инференции, так и утверждений на основе непосредственного восприятия, к которым говорящий психологически не был подготовлен, а в некоторых языках сюда относятся и информация, полученная от третьих лиц. Объединяет эти очевидно различные источники информации <...> то, что пропозиция является новой, еще не включенной в картину мира говорящего» (здесь и далее перевод наш. – Е. С., О. З.).

⁴ «В языках юго-восточной Европы и западной Азии эвиденциальные формы используются в основном, чтобы маркировать пересказ услышанного, инференцию и неожиданное наблюдение. Можно утверждать, что все три значения можно обобщить в рамках более абстрактной категории “медиативности”. Обзор разных типов грамматикализации эвиденциальности и близких понятий показывает, что грамматикализация собственно миративности – явление редкое и сомнительное».

Сибири, в конкретных языках такое соотношение проявляется по-разному и должно описываться для каждого языка отдельно [Скрибник, Озонова 2007: 520–521].

1.2. Эвиденциальность и миративность в монгольских языках

Специальных работ, посвященных эвиденциальности и миративности в монгольских языках, к сожалению, пока нет⁵, хотя имеются отдельные упоминания о наличии этих категорий: так, в обзоре синтаксиса бурятского языка указывается, что «Many of the analytic forms with *bai-* ‘to be’ involve the connotation of inferentiality and/or mirativity» [Skribnik 2003: 118]; калмыцкий результатив на *-ж/-ч* характеризуется тем, что «the resultative has a dimension of evidentiality and is particularly common in fairytales» [Bläsing 2003: 244]; ср. также [Slater 2003] для монгурского, [Hugjiltu 2003] для баоаньского («category of perspective»), [Birtalan 2003] для ойратского, а также [Svantesson 2003] и [Bittigau 2003] для халха-монгольского. Миративная (традиционно – «модальная») частица *-ж* в калмыцком отмечена в грамматиках Г.Д. Санжеева [Санжеев (ред.) 1983], Г.Ц. Пюрбеева [Пюрбеев 2010] и в [Гото 2009]. Отметим, однако, что многие исследователи достаточно точно описывали отдельные значения этих категорий, не используя данной терминологии; см. [Бобровников 1849; Санжеев 1963; Цыдыпов 1972; Street 2009] и др.⁶

Эвиденциальность в калмыцком специально рассматривается в единственной статье, посвященной калмыцким финитным глагольным формам прошедшего времени [Гото 2009: 124–159]. Четыре формы прошедшего времени (*-в*, *-ла* и *-ж*, а также причастие прошедшего времени на *-си* в финитном употреблении) ранее представлялись как различающиеся модальными или аспектуальными признаками [Дораева 1979: 141–142]; Гото предлагает иное решение. Она выделяет в рамках системы прошедшего времени две подсистемы на основании выражения / невыражения эвиденциальных значений. Как эвиденциальная охарактеризована только форма на *-ж*, совмещающая значение прошедшего времени и косвенной засвидетельствованности (говорящий не был свидетелем описываемой ситуации, а слышал о ней от третьих лиц или предположил, что она имела место, по имеющемуся результату или на основании логического вывода; ср. [Bläsing 2003: 244]); ей противопоставлены остальные формы прошедшего времени как немаркированные по признаку эвиденциальности [Гото 2009: 126–127]. Тем самым в классификации [Aikhenvald 2004] калмыцкий должен относиться «к типу языков, в которых эвиденциальная система представлена оппозицией из двух членов: маркированной формы косвенной засвидетельствованности и “всего остального”» [Гото 2009: 129].

Интересно замечание Гото о том, что форма на *-ж* во многих контекстах вместе со значением косвенной засвидетельствованности может передавать и миративное значение [Там же: 132–133]:

- (1) *Nina* *aavə* *av-čk-čə*
Нина чашка брать-COMPL-INDIR.EVD

‘Ой, а Нина уже взяла чашку’ (я хотела налить чай, а она уже взяла чашку), транслитерация, глоссирование и перевод [Там же: 133].

⁵ При сдаче рукописи в печать нам стало известно о запланированном на декабрь 2011 г. выходе книги R.I. Binnick «The past tenses of the Mongolian verb» (Leiden: Brill), в которой автор анализирует формы прошедшего времени халха-монгольского языка и разграничивает их на основе эвиденциальности и инференциальности. По понятным причинам учесть результаты Бинника мы не могли, но будет интересно позже сравнить данные наших языков.

⁶ Так, в исследованиях халха-монгольского и бурятского языков описываются формы, в структурном и семантическом плане аналогичные калмыцким эвиденциальным и миративным формам. В дальнейшем обсуждении мы будем по возможности приводить данные этих двух монгольских языков.

Результаты нашего исследования показывают, во-первых, что категория эвиденциальности в калмыцком не ограничивается оппозицией «косвенная эвиденциальность» vs. прочие немаркированные формы, а представляет собой сложную систему простых и аналитических глагольных форм с весьма дифференцированными значениями. Во-вторых, как это было отмечено и Гото в отношении формы на -ж, эвиденциальные формы часто передают параллельно и миративные значения, при том что для маркирования миративности имеется отдельная частица. К вопросу о соотношении эвиденциальности и миративности в калмыцком мы вернемся после представления всей системы глагольных форм.

2. ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ И МИРАТИВНОСТЬ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ: СИНТЕТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

В калмыцком имеется семь синтетических форм, выступающих как финитные сказуемые⁷; они выражают настоящее (-нА), прошедшее (-в, -лА, -ж и -сн) и будущее время (х), а также регулярное или повторяющееся действие (-дг). В таблице 1 представлены результаты статистического анализа примеров, причем под синтетическими глагольными формами мы понимаем исключительно одиночные глаголы, все формы аналитических конструкций с деепричастиями, которые в калмыцком очень широко употребляются, были исключены из нашего анализа как нейтральные в плане эвиденциальности / миративности (см. Приложение).

Таблица 1

Синтетические глагольные формы

Форма	Кол-во примеров в сплошной выборке	% текстовых употреблений
-нА	110	5,5
-в	534	26,7
-ж	97	4,8
-лА	185	9,2
-с(м)н	96	4,8
-х	240	12
-дг	84	4,2

В зоне прошедшего времени мы видим в отличие от Гото не противопоставление единственной формы на -ж остальным неэвиденциальным, а более сложную систему оппозиций: нейтральная форма на -в противопоставлена, с одной стороны, форме на -сн, выражающей достоверность и особую информационную значимость сообщаемого, с другой стороны – эвиденциальной паре -лА и -ж с оппозицией «прямая vs. косвенная засвидетельствованность». Форма на -лА, которая часто квалифицировалась как преждепрошедшее время [Харчевникова 1996], *pluperfect* [Bläsing 2003], по нашим данным, обозначает, что говорящий был непосредственным наблюдателем описываемой ситуации; ср. у Санжеева: «-ла (-лэ) обозначает прежде известное, совершившееся до момента речи действие. Говорящий в этом случае выступает либо как участник, либо

⁷ Причастие настоящего времени на -А, которое также может (очень редко) выступать как финитное сказуемое, обозначающее «длительное действие объективной данности» в настоящем расширенном [Санжеев 1983: 212], ср. также «форму континуатива» [Сай 2009: 675–676], в нашей сплошной выборке не была встречена ни разу, по этой причине мы не включили ее в анализ.

как свидетель действия, совершившегося в прошлом» [Санжеев (ред.) 1983: 218]⁸. С отрицанием эта форма не встречена ни разу (об ограничениях в сочетаемости эвиденциальности с отрицанием см. [Aikhenvald 2004: 256–257]). Употреблением этих форм четко различаются типы нарративов – рассказы о пережитом лично и пересказы услышанного:

(2)	Цендэ, Ц.	институт институт	төгсөх-эд, окончить-CV.DISJ	нидн прошлый	намр-ас осень-AVL	нааран сюда
	эн этот	совхоз-д совхоз-DAT	көдл-жэ-лэ. работать-PROG-DIR.EVD			
	[...] серглң жизнерадостный	дүр-тэ вид-COM	күүкн девушка	билэ. быть:DIR.EVD		
	Хавр-ин весна-GEN	эклц-эр, начало-INS	нег один	өдр [...] день	күүкн девочка	көвүн мальчик
	[...] киитн холодный	усн-д вода-DAT	булх-лд-ад, окунуться-RECP-CV.DISJ	зовэр очень		хойр два
	түр-жэ-тл-нь, страдать-PROG-CV.TERM-POSS.3		Цендэ [...] Ц.	бичк-дүд-иг малыш-PL-ACC	менд здоровый	
	һарһ-жэ вытащить-CV.COP	ав-ч. AUX-INDIR.EVD				
	Бичк-дүд-нь малыш-PL-POSS.3	маңһдуртнь назавтра	саак кевтән по-прежнему	наад-лд-ад играть-RECP-CV.DISJ		
	бээ-цхэ-жэ. быть:PLR-INDIR.EVD					
	Болв а	Цендэ Ц.	күндэр сильно	гемт-эд, заболеть-CV.DISJ	өңгр-жэ умирать-CV.COP	од-си aux-PC.PRF
						мөн. P.AFF

‘Цендя, окончив институт, с прошлой осени работала в этом совхозе. [...] она была жизнерадостной девушкой. Однажды, в начале весны, двое детей, мальчик и девочка провалились в ледяную воду, и когда они пытались выбраться, Цендя (бросилась в прорубь и) вытащила детей. Уже на следующий день дети по-прежнему играли. А Цендя, сильно заболев, вскоре умерла’ [ИЛ-19].

В приведенном рассказе форма на -лА в первых двух предложениях (көдл-жэ-лэ, билэ) сигнализирует, что рассказчик сообщает непосредственно засвидетельствованные факты. Спасение тонущих детей рассказчик не наблюдал, но слышал об этом от других лиц, о чем свидетельствует маркер косвенной эвиденциальности -жэ (ав-ч, бээ-цхэ-жэ). Завершает повествование форма на -си в сочетании с подтвердительной частицей мөн, маркирующая особую достоверность и информационную значимость сообщаемого, а также эмоциональную вовлеченность говорящего: это информационный фокус всего отрезка нарратива (ср. «engagement» у Н. Эванса). Как мы увидим ниже, эта ее характеристика практически всегда сохраняется и в составе аналитических эвиденциальных форм.

Нейтральная форма прошедшего времени на -в маркирует только «динамичное продвижение повествования во времени» [Дораяева 1979: 151].

Три остальные синтетические формы (настоящего и будущего времени, регулярности действия) также являются нейтральными в отношении эвиденциальности/миративности.

⁸ Аналогичная форма на -лээ (-lee) в халха-монгольском характеризуется как форма, передающая события, непосредственно пережитые самим говорящим: «the so-called present tense of perfect, which expresses an action which has taken place, and which has either been witnessed or is commonly known, and is therefore regarded as an indisputable fact» [Poppe 1970: 130]; «direct past <...> This form indicates that the speaker has witnessed the situation himself» [Svantesson 2003: 167].

Специально миративность выражается частицей *-ж*⁹, омонимичной показателю косвенной засвидетельствованности *-ж*, однако с другой дистрибуцией: она может присоединяться к именным формам и причастиям в функции финитных сказуемых (в нашем корпусе встречены только причастия на *-х* и на *-дг*), что явно свидетельствует о ее происхождении от связки. Примеры:

- (3) *Аав* *ээж* *хойр* *гер-т-эн* *уга-ж*.
отец мать два дом-DAT-REFL NEG-ADM

‘Отца и матери, оказывается, дома нет’ [Санжеев (ред.) 1983: 290], глоссирование наше.

- (4) *Чон* *суңһ-гд-ж*. [...] *Чон* *ааш-дг-ж*. [...]
Ч. выбирать-PASS-INDIR.EVD Ч. приближаться-PC.HAB-ADM
Чон *кел-х-м-ж*.
Ч. говорить-PC.FUT-AFF-ADM

(Люди в зале перешептываются:) ‘Говорят, Чона избрали [...]. Чон пошел (к трибуне). [...]. Чон будет говорить’ [ДБ-171].

В примере (4) форма на *-ж* (*суңһгд-ж*) передает косвенную засвидетельствованность с миративным расширением, частица *-ж* при хабитуальном причастии (*ааш-дг-ж*) и причастии будущего времени (*кел-х-м-ж*) – развитие событий, неожиданное для присутствующих.

Таким образом, у синтетических форм эвиденциальность сосредоточена исключительно в зоне прошедшего времени, а миративность может выступать как дополнительный семантический компонент при основном значении косвенной засвидетельствованности. Отдельно миративное значение может выражаться при помощи специальной миративной частицы в составе именных и причастных сказуемых.

3. АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ / МИРАТИВНЫЕ ФОРМЫ

В калмыцком, как и в остальных монгольских языках, богато представлены аналитические глагольные конструкции с различными вспомогательными глаголами. По форме полнозначного глагола различаются два структурных типа, с деепричастиями и причастиями [Цыдыпов 1972]. В деепричастных конструкциях представлены только три из десяти калмыцких деепричастий (*CV.COP* на *-ч* / *-ж*, *CV.DISJ* на *-Ад* и *CV.MOD* на *-н*) в сочетании с разнообразными вспомогательными глаголами; они специализируются на значениях модального и аспектального характера (см. Приложение). В отличие от деепричастных, в конструкциях с причастным полнозначным компонентом могут быть задействованы все семь причастных форм и только два вспомогательных глагола *бол* – ‘становиться’ и *бээ* – ‘быть’; традиционно такие конструкции описывались как временные и модальные. Анализ нашего материала показал, что именно причастные конструкции – это формы, передающие различные эвиденциальные и/или миративные значения.

В последующих четырех параграфах мы рассмотрим восемь причастных конструкций – сочетания *PC.PRF* на *-сн*, *PC.FUT* на *-х*, *PC.HAB* на *-дг* и *PC.PRS* на *-А* с глаголами *бол* – ‘становиться’ и *бээ* – ‘быть’¹⁰. При этом мы обсудим ряд возникших вопросов: так, комбинации вспомогательных глаголов с причастиями должны завершаться финитной временной формой (одной из семи, названных выше) и показателями лица / числа. Лично-числовые показатели, без сомнения, представляют собой парадигму соответствующей аналитической конструкции (хотя тут нужно иметь в виду, что в корпусе доминируют безусловно

⁹ Санжеев определяет данную частицу как модальную, которая «восходит к старокалмыцкой книжной форме *аж*и (< *ажуһ*), выступавшей в качестве глагола-связки при именах и причастиях. Эта частица придает сообщению модальное значение неожиданности с оттенком некоторого удивления» [Санжеев (ред.) 1983: 290].

¹⁰ Предварительная публикация материала с причастием на *-сн* была осуществлена на немецком языке в [Skribnik, Seesing 2012].

формы 3 л., об ограниченности контекстов употребления 1 и 2 л., особенно в миративе, см. [Guentchéva et al. 1994; Майсак; Татевосов 2000; Curnow 2000] и др). Однако какова роль финитных временных показателей в составе аналитической конструкции? Образуют ли они парадигму, подобно категории лица/числа, или здесь несколько иные отношения? Уже предварительный анализ показал, что причастные конструкции с разными временными формами существенно отличаются друг от друга по значению, причем идиоматическим образом, и из ожидаемого набора (семь временных форм) используются далеко не все. Можно ли их считать элементами «стандартной» временной парадигмы, или идиоматизация/грамматикализация уже зашла слишком далеко? Как оценить тот факт, что использование отрицательных показателей возможно не со всеми формами? Иначе говоря, сколько аналитических глагольных конструкций здесь представлено: восемь, каждая со своей временной парадигмой, или целый ряд отдельных самостоятельных конструкций? В ходе анализа мы постараемся ответить на эти вопросы.

3.1. Микросистема конструкции «PC.PRF на -сн+ бəə- ‘быть’»

Таблица 2

Микросистема конструкции -сн бəə-

Структура	Кол-во примеров в сплошной выборке	% текстовых употреблений
-сн бəə-нə	7	0,35
-сн бəə-с(м)н	5	0,25
-сн бəə-ж/санж	7 / 7	0,7
-сн билə /-сн уга билə	– /6	– / 0,3
-сн бəə-в	–	–
-сн бəə-х	–	–
-сн бəə-дг	–	–

Как мы видим, из семи ожидаемых форм (четырнадцати с учетом отрицания) реально в текстах зафиксировано только четыре; отсутствующие формы мы проверяли с информантами и получили подтверждение их неграмматичности (формы с отрицанием требуют еще дополнительной проверки). Рассмотрим реально существующие конструкции с точки зрения их семантики.

а. PC.PRF на -сн + бəə-нə. Данная форма используется для передачи неожиданной для говорящего информации, которую он выводит на основе каких-либо прямых или косвенных признаков, – как правило, это видимые результаты некоторого события (действия или процесса), завершившегося в прошлом:

- (5)

Ода

хəлə-л-т

эрдн̄-иш-ин

тəрəн

эңдəн

теперь

смотреть-EMPH-IMP.2PL

кукуруза-GEN

всходы

езде

һар-чк-сн

бəə-нə.

всходить-COMPL-PC.PRF

быть-PRS

‘А теперь, посмотрите-ка, ростки кукурузы повсюду взошли’ [НМ-22] (несмотря на запоздалый посев с большими проблемами).
- (6)

Эдн-ə

хəжуд

ода

чолун

гер-муд

нем-гд-ж

они-GEN

между

сейчас

каменный

дом-PL

добавлять-PASS-CV.COP

тосх-гд-сн

бəə-нə.

строить-PASS-PC.PRF

быть-PRS

‘Рядом с ними (старыми мазанками) теперь построены каменные дома’ [БН-72].

В приведенных примерах данная форма обозначает, что говорящий не наблюдал непосредственно описываемое событие (появление всходов и строительство), а реконструирует его по его видимым следам (здесь: ростки кукурузы и новые каменные дома).

На базе текстовых примеров значение данной формы можно интерпретировать как 1) результатив («форма, обозначающая состояние предмета, которое предполагает предшествующее действие» [Недялков, Яхонтов 1983: 7]), как 2) перфект («...в отличие от результатива, перфект обозначает не актуальное состояние, а некоторую предшествующую ситуацию, такую, последствия которой существуют в момент наблюдения» [Плунгян 2000: 299]) либо как 3) инферентив с миративным расширением; однако во всех этих примерах были представлены глаголы, семантика которых может быть охарактеризована как предельная; ср. [Бондарко 1976: 200–203]. Экспериментальная работа с информантами показала, что в этой форме могут выступать и непредельные глаголы, причем с совершенно другим значением:

- (7) *Ээж-м* *дуул-си* *бэд-нэ.*
мать-POSS.1SG петь-PC.PRF быть-PRS

‘Моя мама (удивительным образом) все еще поет (начав петь с утра)’.

Как видно из (7), эта форма с непредельными глаголами описывает событие, начавшееся в некоторый момент в прошлом и, к удивлению говорящего, все еще продолжающееся в момент речи (континуатив), причем на базе непосредственного восприятия. В случае предельных глаголов описываемое событие завершено к моменту речи (перфект / результатив). Сходная семантическая структура / семантическое развитие были описаны, например, для форм перфекта в романских языках; см. [Harris 1982: 62–63]. По аналогии мы определяем калмыцкую форму как «перфект с миративным расширением».

Подобную конструкцию халха-монгольского Санжеев [Санжеев 1963: 216] определяет как сложную временную форму «прошедшее в настоящем» и описывает при этом ее дополнительное миративное значение («оказывается»), не используя термина «миративность». Свантессон [Svantesson 2003: 168] называет ее «перфект» и сравнивает с формой на *-жээ*, которую он считает результативом: «Like the indirect past (expressed by the resultative) the perfective aspect often emphasizes that the speaker has inferred the action from its results». Например, говорящий видит, что земля влажная, и утверждает:

- (8) *Бороо* *ор-сон* *бай-на.*
Дождь приходить-PC.PRF быть-PRS

‘Дождь прошел’ [Svantesson 2003: 168], транслитерация, глоссирование и перевод наши.

Ц.Ц. Цыдыпов характеризует значение аналогичной формы в бурятском как «констатацию действия», о котором говорящий узнал опосредованно:

- (9) *Баатар* *Москва* *ошо-һон* *бай-на,* *хүбүүн-тэй-нь* *хөөрэлдэ-бэ-б.*
Б. М. ехать-PC.PRF быть-PRS сын-COM-POSS.3 говорить-PST-1SG

‘Батор в Москву уехавши есть, с его сыном поговорил’ [Цыдыпов 1972: 161], глоссирование наше.

«Из смысла слова *байна* мы заключаем, вернее, догадываемся (хотя это и не выражено словами), что говорящий был дома у Батора или на работе и узнал (установил, констатировал), что он уехал. Следовательно, слово *байна* “есть” констатирует факт совершения действия» [Там же 1972: 161].

Без контекста судить сложно, но нельзя исключить, что констатируемый факт стал для говорящего неожиданностью.

б. PC.PRF на *-си* + *бэд-с(м)и*. Данная форма параллельна синтетической форме на *с(м)и* и маркирует высказывание, несущее в дискурсе особую информативную нагрузку, часто с эмоциональной вовлеченностью говорящего («engagement»). Она используется преимущественно в повествовательных текстах и по значению соответствует плюсквамперфекту, т. е. описывает событие, которое предшествовало некоторому моменту

в прошлом, о котором сейчас идет речь. (Ср. определение плюсквамперфекта [Плунгян 2004: 285] как формы, которая «используется не столько для того, чтобы указать на факт предшествования ситуации другой прошлой ситуации, сколько для того, чтобы подчеркнуть принадлежность этой ситуации другому временному плану, отделенному от плана текущего повествования. <...> маркирует дискурсивно выделенные глагольные формы, выпадающие из основной линии повествования»¹¹.) Например, предложением (10) говорящий нарушает описание развития событий (расследуется пропажа быка) и отсылает слушающего в предшествующий временной план, одновременно фокусируя внимание на данном факте:

- (10) *Утнаси* *урдк* *жил-д-нь* *нег* *бүрүһ-и-нь*
 У. прошлый год-DAT-POSS.3 один бык-ACC-POSS.3
ал-ад *ид-чк-си* *баа-с-мн.*
 убить-CV.DISJ есть-COMPL-PC.PRF быть-PC.PRF-AFF

‘Утнаси (ведь уже) в прошлом году зарезал и съел одного его быка’ [ДБ-11].

Данная форма часто сопровождается темпоральными наречиями типа *урд(нь)* ‘раньше, прежде’, *урдк жилд* ‘в прошлом году’, маркирующими отступление от основной линии повествования; в русском переводе необходимы частицы *ведь/уже*:

- (11) *Жалаһа-д* *эн* *урднь* *хойр-* *хурв* *дэкж* *ир-эд*
 Ж.-DAT он раньше два три раз приходит-CV.DISJ
һар-си *баа-с-мн.*
 уходить-PC.PRF быть-PC.PRF-AFF

‘Он (ведь уже) раньше два-три раза приходил к Жалаге’ [ДБ-18].

Итак, данная форма не несет эвиденциального значения, говорящий подчеркивает важность и достоверность сообщаемой информации, которая необходима слушающему для понимания актуальной ситуации.

Структурно сходную форму в халха-монгольском Рамстедт [Ramstedt 1902: 34] определяет как плюсквамперфект:

In der endung *-sɔnsɔ*, *-sənsə* wird man leicht das suffix des nomen perfecti *-sɔ*, und ein zweites ähnliches element *-sɔ*, erkennen. <...> Die bildung auf *-sɔnsɔ* giebt ein ereignis als schon vor dem auftrreten des angeredeten oder vor dem eintritt eines damit in verbindung stehenden ereignisses geschehen an¹².

Такое же определение дает [Санжеев 1963: 81], называя эту форму аналитическим сложным временем «прошедшее в прошедшем, т. е. плюсквамперфектум», например *явсан сан* ‘ушел до того, как в прошлом же совершилось другое действие’.

В. PC.PRF на -си + баа-ж/санж. Если компонент *баа-ж* представляет собой форму на -ж от бытийного вспомогательного глагола, то *санж* в калмыцкой грамматике определяется как составная частица с вариантом *сэнж*, которая отличается литературно-книжным характером и «сопровождает именное и глагольное сказуемое, привнося в них значение определенной достоверности с оттенком неожиданности» [Санжеев (ред.) 1983: 290]. Аналогичную форму халха-монгольского *санжээ* (< *aḥsan adжуḥу) Санжеев [Санжеев 1963] характеризует с этимологической точки зрения как грамматикализованную комбинацию причастия прошедшего времени от вспомогательного глагола *а- ‘быть’ и формы имперфектного претерита этого же глагола, а с функциональной точки зрения – как нынешнюю форму имперфектного претерита; значение ее описано

¹¹ [Плунгян 2004: 285] отсылает к характеристике значения плюсквамперфекта как «out-of-sequence» [Givón 1982].

¹² «В окончании *-sɔnsɔ*, *-sənsə* легко распознать сочетание суффикса «nomen perfecti» *-sɔ* и второго схожего элемента *-sɔ*. Сочетание *-sɔnsɔ* представляет событие как завершившееся до наступления описанного прежде события или до наступления связанного с ним события».

как передача неизвестной информации, неожиданной «для говорящего, слушающего, обоих собеседников и для всех действующих лиц, о которых идет речь в повествовании»: «что-то было неизвестно и оказалось неожиданным, когда об этом узнали» [Там же: 190–191].

К.В. Гото [Гото 2009: 143–144] считает, что эта форма имеет значение косвенной засвидетельствованности, совмещенное с результативным значением. Наш материал показывает, что это форма общей косвенной засвидетельствованности (индиректив), употребляющейся чаще всего в случае логического умозаключения, но также и в случае пересказа, с миративным компонентом (ср. «действие, которое совершилось в прошлом с оттенком определенной неожиданности для субъекта» [Пюрбеев 2010: 97]). Что касается результативности, то мы видим здесь, как и в случае с конструкцией *-сн бээнэ*, скорее, перфектное значение; ср. пример с неопределённым глаголом с континуативным прочтением:

- (12) *Көвү-нь сөө-д халу дүр-эд ууль-сн бээ-жс.*
сын- POSS.3 ночь-DAT жар вкладывать-CV.DISJ плакать-PC.PRF быть-INDIR.EVD

‘Ее сын (оказывается / должно быть) ночью плакал из-за температуры’.

Семантических различий между формами с *бээ-жс* и с *санжс* обнаружить не удалось, но наши информанты определили форму с *санжс* как устаревшую. На этом основании мы считаем, что данные формы являются синонимическими. Примеры:

- (13) [...] *пошт-ын зерглэн эндр көдлмш-эн эрт*
почта-GEN отделение сегодня работа-REFL рано
төгсэ-сн бээ-жс.
завершить-PC.PRF быть-INDIR.EVD

‘[...] (оказывается,) отделение почты сегодня рано завершило свою работу’ [БН-62] (говорящий стоит перед закрытой дверью и вспоминает, что сегодня предпраздничный день).

- (14) *Тедн-эс ял-ы-нь нек-жс ав-тн –*
они-AVL штраф-ACC-POSS.3 требовать-CV.COP брать-IMP.2PL
хуц-ин эзн-д шимлд-эд кел-чк-сн санжс.
баран-GEN хозяин-DAT шептать-CV.DISJ сказать-PC.PRF PRT.INDIR.EVD

‘(По-видимому,) (он) нашептал хозяину барана, чтобы тот потребовал с них (с пастухов) штраф (букв.: Потребуйте у них штраф, – (по-видимому) нашептывая сказал (он) хозяину барана)’ [ДБ-55] (говорящий делает вывод из показаний обвинителя).

Редкий пример с 1 лицом: в (15) летчику после боя сообщают, что он сбил очень важный самолет:

- (15) *Юн ги-дг самолёт цок-сн бээ-жс-в би?*
что сказать-PC.NAV самолет сбить-PC.PRF быть-INDIR.EVD-1SG я

‘Что же это за самолет такой я сбил?’ [ББ-90].

Эту особенность данной формы в монгольских языках упоминает и [Санжеев 1963: 191]: «Так как предполагается, что говорящему самому о себе всегда что-либо известно, то отсюда вытекает необычность употребления или даже неупотребительность имперфектного претерита при 1-м лице».

От простой формы косвенной засвидетельствованности на *-жс* данная конструкция отличается продолжительностью временного интервала между реконструированными либо известными от третьих лиц событиями и моментом речи о них («давнопрошедшее»), сравним:

- (16) *Кесгэс нааран гер-т-эн ир-эд уга Долда*
давно сюда дом-DAT-REFL приходить-CV.DISJ NEG Д.
хэр-жс ир-в. [...]
вернуться-CV.COP приходить-PST

Долда-н	эцк [...]	гер-т-эн	ир-чк-сн	бээ-жс. [...]
Д.-GEN	отец	дом-DAT-REFL	приходить-COMPL-PC.PRF	быть-INDIR.EVD
Шарда	чигн	сэн өдр-мүд-т	нар-ад,	гер-т-эн
Ш.	даже	праздник-PL-DAT	выходить-CV.DISJ	дом-DAT-REFL
ир-чк-жс.				
приходить-COMPL-INDIR.EVD				

‘Вернулась Долда, которая уже давно не приезжала домой. [...] (Оказалось, что) Отец Долды (уже) приехал домой. [...] Даже Шарда, выехав на праздники, приехала домой’ [ИЛ-24].

Здесь нарратив оформлен преимущественно простыми формами прошедшего времени на -в (динамическое развитие событий), однако налицо два отступления: базирующиеся на инференции либо пересказе сообщения о неожиданном возвращении отца и сестры, причем первое локализовано в прошлом раньше (-сн бээ-жс), чем второе (-жс).

Таким образом, эту конструкцию можно назвать формой плюсквамперфектного индикатива с миративным расширением.

Аналогичную конструкцию халха-монгольского, состоящую из причастия на -сан и вспомогательного глагола бай- с суффиксом претерита -жээ, К.Р. Биттигау [Bittigau 2003: 105] определяет как плюсквамперфект:

(17) Тэр	сүмд	буусан	төвд,	Насанбатыг			
тэр	сүм	-д	буу	-сан	төвд	Насанбат	-ыг
гем	храм	DL	сойти	-NPF	тибетец	Насанбат	-акк
хэдийн	хүлээж		төвд	ёсын		нарийн	ширээ
хэдийн	хүлээ	-ж	төвд	ёс	-ын	нарийн	ширээ
уже	ждать-	ССО	тибетский	вид-	GEN	изысканный	стол
заасан	байжээ.						
заа	-сан	бай	-жээ				
накрывать	-NPF	кор	-NA3				

‘Тибетец, который остановился в этом храме, уже ждал Насанбата и накрыл изысканный стол по тибетскому образцу’ [Bittigau 2003: 106], глоссирование Биттигау, перевод наш.

Без контекста судить трудно, но можно предположить, что и в халха-монгольском примере речь идет о ситуации, которую автор представляет как неожиданную для Насанбата.

г. PC.PRF на -с(м)н + уга + билэ. В состав этой формы входит показатель -ла, маркирующий прямую засвидетельствованность; но он не употребляется с отрицанием. Данная же аналитическая конструкция в нашем корпусе не была обнаружена без отрицания, следовательно, ее значение заведомо не композиционально, а идиоматично. Мы полагаем, что значение причастного компонента (-с(м)н) – информационная значимость / особая эмоциональная вовлеченность говорящего – вышло на первый план, а форма на -ла вносит компонент достоверности:

(18) Мини	гем,	би	тадн-д	тийм	юм	заа-жс
мой	вина	я	вы-DAT	такой	что	указать-CV.COP
өг-сн	уга	билэ-в.				
давать-PC.PRF	NEG	быть:DIR.EVD-1SG				

‘Моя вина, что я вам на такое не указывал’ [НМ-16].

(19) Нан-д	өцклдүр	кун	ам	аңһа-сн	уга	билэ.
я-DAT	вчера	человек	рот	открыть-PC.PRF	NEG	быть:DIR.EVD

‘Мне вчера никто ничего не сказал (букв.: никто рот не открывал)’ [ЖЯ-41].

Аналогичную форму можно найти и в халха-монгольском, где сочетание «приказуемой простейшей частицы» билээ (форма на -лээ вспомогательного глагола бай-

‘быть’) с простыми глагольными сказуемыми на *-на* и *-в* передает «действие, совершившееся в прошлом с определенной результативностью, в присутствии говорящего» [Бертагаев 1964: 157].

Выводы. Для комбинации причастия прошедшего времени со вспомогательным глаголом *баа-* ‘быть’ вместо семи (14 с учетом отрицания) ожидаемых временных форм было зафиксировано только четыре. В ходе семантического анализа выяснилось, что они существенно отличаются друг от друга идиоматическим и непредсказуемым образом, т. е. их значение не выводимо из суммы значения их компонентов. Мы предлагаем считать эти четыре комбинации разными конструкциями (см. таблицу 3), являющимися отдельными результатами грамматикализации исходной комбинации.

Таблица 3

Специализированные конструкции *-сн баа-*

Структура	Значение
<i>-сн + баа-на</i>	перфект + миратив
<i>-сн + баа-с(м)н</i>	плюсквамперфект + информационная значимость
<i>-сн + баа-ж/санж</i>	индиректив + миратив + информационная значимость
<i>-с(м)н + уга + билә</i>	информационная значимость + эмоциональная вовлеченность говорящего

3.2. Микросистема конструкции «РС.PRF на *-сн + бол-* ‘становиться’»

Вторая комбинация – причастие прошедшего времени со вспомогательным глаголом *бол-* ‘становиться’ – также была зафиксирована в нашем корпусе лишь в четырех финитных временных формах (см. таблицу 4), каждая со своим специальным значением.

Таблица 4

Микросистема конструкции *-сн бол-*

Структура	Кол-во примеров в сплошной выборке	% текстовых употреблений
<i>-сн + бол-жа-на</i>	8	0,4
<i>-сн + бол-с(м)н</i>	–	–
<i>-сн + бол-ж</i>	–	–
<i>-сн + бол-ла</i>	–	–
<i>-сн + бол-в</i>	3	0,15
<i>-сн + бол-х</i>	28	1,4
<i>-сн + бол-дг</i>	4	0,2

а. РС.PRF на *-сн + бол-жа-на*. Данная форма без суффикса прогрессива *-жа* в нашем корпусе не встретилась, что также свидетельствует о высокой степени ее идиоматизации. Она выражает сложное значение инферентивного типа – нетривиальную (ре)интерпретацию прошлого в двух вариантах. В первом варианте говорящий сам присутствовал при событии в прошлом, но при пересказе неожиданно для себя приходит к новой оценке этого события на основе наблюдавшихся в то время признаков. Например, в (20) говорящий вспоминает долгие зимние вечера своего детства, когда он читал

собравшимся соседям «Джангар», и приходит к выводу:

- (20) *«Жаңһр»* *тедн-д* *таас-гд-жс,* *зурк-и-нь*
Дж. они-DAT нравиться-PASS-CV.COP сердце-ACC-POSS.3
авл-дс *бәә-си* *бол-жа-на.*
очаровать-PC.HAB быть-PC.PRF становится-PROG-PRS

‘«Джангар» нравился им, он (видимо) завораживал их сердца’ [ДБ-58].

Во втором варианте говорящий ищет объяснения фактам, не вписывающимся в его картину мира, реконструируя «неожиданное прошлое». Контекст следующего примера: женщина принимает рассказчика за известного целителя и просит вылечить ее умирающего мужа, рассказчик вынужден провести «обряд исцеления». Спустя год он заходит к этой паре в полной уверенности, что мужа нет в живых, но видит того, к своему удивлению, абсолютно здоровым:

- (21) *Тер* *бер* *залу* *минь лавта* *эдс-жа-на* *зиһ-әд*
тот жена муж несомненно выздороветь-PROG-PRS сказать-CV.DISJ
ухан-д-ан *лавл-ад* *ит-чк-си* *бол-жа-на.*
разум-DAT-REFL подтверждать-CV.DISJ верить-COMPL-PC.PRF становится-PROG-PRS
Тер-нь *бас* *«эдс-х-в»* *зиһ-әд*
тот-POSS.3 также выздороветь-PC.FUT-1SG сказать-CV.DISJ
седкл-д-ән *батл-чк-си* *бол-жа-на.*
сердце-DAT-REFL заверять-COMPL-PC.PRF становится-PROG-PRS
Тегәд *тер* *эдс-си* *бол-жа-на.*
так тот выздороветь-PC.PRF становится-PROG-PRS

‘Та жена, видимо, совершенно уверилась, что ее муж выздоравливает. Он, видимо, также поверил, что поправится. Так он, видимо, и выздоровел’ [ДБ-28].

Данную конструкцию мы определяем как конструкцию «миративной ретроспективной инференции» (ср. «retrospective evidence» [Plungian 2001]). Н.М. Мулаева [Мулаева 2006: 14] считает, что эта конструкция, а также конструкция с причастием будущего времени + *болх* передает «проблематическую модальность со значением недостаточной уверенности и предположения». Наш материал показывает, что здесь речь идет об эвиденциальных значениях.

б. PC.PRF на -си + бол-в. При помощи данной конструкции говорящий выражает неуверенную субъективную интерпретацию непосредственно чувственно воспринятого:

- (22) *Нег* *дәкж* *Козлдур* *тәр-мр* *өвси-ә* *үк-жә-х*
один раз К. сеять-PC.POT трава-DAT умирать-PROG-PC.FUT
дууһ-и-нь *соң-си* *бол-в.*
голос-ACC-POSS.3 слышать-PC.PRF становится-PST

‘Однажды Козлдуру как будто послышался умирающий голос (стон) посеянной травы’ [НМ-23].

- (23) *Акад* *юмн, –* *зи-жс* *бий-д-ән* *кел-си* *бол-в.*
странный что говорить-CV.COP REFL-DAT-REFL сказать-PC.PRF становится-PST

‘Как странно, – сказала она будто бы самой себе’ [НМ-17].

Иногда данная форма используется в сочетании со сравнительной частицей *мет* ‘словно’, подчеркивающей элемент сравнения:

- (24) *Баһчуд* *хоорндан* *шууг-ад,* *ямаран* *төр-әр* *күүндвр*
молодежь взаимно шуметь-CV.DISJ какой тема-INS разговор
ке-жә-с-ән *март-си* *мет* *бол-в.*
делать-PROG-PC.PRF-REFL забыть-PC.PRF словно становится-PST

‘Молодежь, болтая друг с другом, словно бы забыла, о чем вела разговор’ [СБ-80].

Подобные значения Н.Д. Арутюнова описывала как «модальность кажимости» [Арутюнова 1999: 833–836]: «к-модальность зарождается в сфере непосредственного восприятия мира» [Там же: 834], вырастает из сравнения и представляет собой акт недостоверного сравнения, когда один из терминов сравнения присутствует лишь в воображении говорящего [Там же: 833]; не предполагая достоверности, она легко переосмысливается в эпистемическую недостаточность [Там же: 835]. Есть и другие варианты описания: эти значения причисляются к числу эвиденциальных (ср. «inferential-like» [Aikhenvald 2004: 85], «weak evidentiality» [Ifantidou 2001: 170–171]) либо описываются как самостоятельные «интерпретативные» («interpretive use» [Sperber, Wilson 1986: 228–229]). О взаимосвязи сравнения и эвиденциальности см. также у А. Летучего [Letuchiy 2008]. Мы будем вслед за Айхенвальд рассматривать интерпретативное значение в ряду эвиденциальных, поскольку оно базируется на значении непосредственного восприятия.

В. РС.PRF на -си + бол-х. Данная форма, самая частотная в нашем корпусе, маркирует умозаключение говорящего на основе его общих знаний о мире («презумптив» [Храковский 2007: 604], «reasoning» [Plungian 2001: 354], «assumption» [Aikhenvald 2004: 23]). Особенностью данной конструкции являются ее эпистемическое расширение достоверности и информационная значимость сообщаемого: говорящий уверен и подчеркивает, что описываемая ситуация имела место только в такой форме, как он ее представил, и никак иначе. Конструкция чрезвычайно идиоматизирована, общее ее значение никак не связано с семантикой причастия будущего времени. Например, в (25) хозяин дома просит странствующего торговца рассказать что-нибудь интересное:

- (25) Олн *һазр-ар* *ор-си* *бол-х-ч.*
 много место-INS входить-РС.PRF становиться-РС.FUT-2SG
 Олн *куун-лә* *харһ-си* *бол-х-ч.*
 много человек-INS встречать-РС.PRF становиться-РС.FUT-2SG

‘Ты (несомненно) побывал во многих местах. Ты (несомненно) повстречался со многими людьми’ [ДБ-19].

В следующем примере (26) девушка с уверенностью отрицает высказывание молодого человека, будучи глубоко убеждена, что он, как и любой мужчина, не мог не поинтересоваться возрастом девушек:

- (26) Худл *кел-жэ-нэ-ч.* *Сур-си* *бол-х-ч.*
 ложь говорить-PROG-PRS-2SG спросить-РС.PRF становиться-РС.FUT-2SG

‘Ты лжешь. Ты (несомненно) спрашивал (их о возрасте)’ [ИЛ-47].

Структурно полностью аналогичную конструкцию в грамматиках бурятского и халха-монгольского языков мы не встретили: в отличие от калмыцкого, в них используются комбинации причастия прошедшего времени на *-һан* с причастием будущего времени от вспомогательного глагола *бай-* ‘быть’ (в свою очередь, в нашем корпусе калмыцких примеров такая комбинация не встретилась). В бурятском Ц.Ц. Цыдыпов [Цыдыпов 1972: 190–191] рассматривает эту конструкцию как темпоральную с дополнительным модальным значением «предположения»:

- (27) Харин Гарма *интернад-айн-гаа* *үхибүүд-тэ* *буряад*
 ведь Г. интернат-GEN-REFL дети-DAT бурятский
онтохон-ууд-ые *хөөрэ-жэ* *үльгэршэн-эй* *нэрэ*
 сказка-PL-ACC рассказывать-CV.COP сказочник-GEN имя
хүндэ-дэ *үни хада* *хүртэ-һэн* *бай-ха.*
 уважение-DAT давно получать-РС.PRF быть-РС.FUT

‘Однако Гарма рассказывал бурятские сказки детям из интерната, видимо, поэтому уже давно получил почетное имя улигершина’ [Цыдыпов 1972: 191], глоссирование наше, перевод слегка откорректирован нами.

Схожую конструкцию халха-монгольского К.-Р. Биттигау [Bittigau 2003: 109] определяет как «Probabilitativ» со значением эпистемической модальности вероятности:

- (28) *Чи үз-сэн бай-х.*
ты видеть быть-РС.FUT

‘Ты его (вероятно) видел (Du wirst ihn gesehen haben)’ [Ibid.: 110].

Поскольку более детальный анализ конструкций халха-монгольского и бурятского языков еще предстоит, мы можем только предположить, что данные конструкции обоих языков, представляющих собой по существу одинаковую комбинацию временных компонентов и от калмыцкой конструкции отличающихся лишь выбором вспомогательного глагола, также маркируют инференцию на основе общих знаний.

г. РС.PRF на -си + бол-дг. Данная форма также отличается высокой степенью идиоматизации: ее значение определяется в первую очередь компонентом *-си*, с помощью которого маркируется информационная значимость события и эмоциональная вовлеченность говорящего. Компонент же *бол-дг* должен был бы вносить значения фазового изменения и повторяющегося события; однако семантический анализ и опрос информантов позволили установить, что данная конструкция выражает прямую засвидетельствованность:

- (29) [...] *ги-жэ мадн-д шогл-си бээдл-тэ-һэр* [...] *тарһи хар залу кел-си бол-дг.*
сказать-CV.COP мы-DAT шутить-РС.PRF вид-COM-INS толстый темный мужчина сказать-РС.PRF становиться-РС.HAB

‘[...] так в шутильной форме сказал нам толстый загорелый мужчина’ [ЖЯ-40].

Интересен следующий пример из воспоминаний главного героя о старшем брате. Поскольку речь идет о непосредственно пережитых событиях, финитные сказуемые во всем отрывке маркированы показателем прямой эвиденциальности *-ла*. Предложение с исследуемой конструкцией (здесь: *харс-си бол-дг*) не выпадает из этого ряда:

- (30) *Ах-нь театр-т артист бол-жэ*
старший брат-POSS.3 театр-DAT артист становиться-CV.COP
көдл-жэ йов-ла.
работать-CV.COP aux-DIR.EVD
Халхин-Гол-ын дээн-д зөргтөһөр дээлд-эд, Монһл
Халхин-Гол-GEN бой-DAT отважно воевать-CV.DISJ монгольский
нутг япола самурайц-һр-ас харс-си бол-дг.
страна японский самурай-PL-AVL защищать-РС.PRF становиться-РС.HAB
Ода Выборг деер церг-жэ-лэ.
Сейчас Выборг на служить-PROG-DIR.EVD

‘Старший брат его, став артистом, работал в театре. Отважно сражаясь в боях на Халхин-Голе, защищал Монголию от японских самураев. Потом он служил под Выборгом’ [ХМ-13].

* * *

Итак, во втором блоке конструкции *-си бол-* вместо ожидаемых семи парадигматических «аллоконструктов» мы выявили четыре самостоятельные аналитические глагольные конструкции с разными эвиденциальными значениями.

Специализированные конструкции *-сн бол-*

Структура	Значение
<i>-сн + бол-жа-на</i>	миративный ретроспективный инферентив + информационная значимость
<i>-сн + бол-х</i>	презумптив с эпистемическим расширением (уверенность) + информационная значимость
<i>-сн + бол-в</i>	субъективный интерпретатив
<i>-сн + бол-дг</i>	прямая засвидетельствованность + информационная значимость

В заключение анализа двух микроблоков следует сказать, что в случае комбинаций причастия прошедшего времени в сочетании со вспомогательными глаголами *баа-* 'быть' и *бол-* 'становиться' в различных временных формах следует говорить не о двух конструкциях с их временными парадигмами, а о восьми отдельных, поскольку из 28 потенциально возможных временных форм в нашем корпусе были зафиксированы лишь восемь с высоко идиоматизированными значениями. Ни одна из этих форм не передает только лишь временную семантику, все они отличаются эвиденциальными оттенками, часто с миративным расширением.

3.3. Микросистема конструкции «*рс.нав на -дг + баа-* 'быть'»

Таблица 6

Микросистема конструкции *-дг баа-*

Структура	Кол-во примеров в сплошной выборке	% текстовых употреблений
<i>-дг + баа-на</i>	—	—
<i>-дг + баа-с(м)н</i>	5	0,25
<i>-дг + баа-жс / санжс</i>	5/1	0,25/0,05
<i>-дг + билә</i>	69	3,45
<i>-дг + баа-в</i>	—	—
<i>-дг + баа-х</i>	—	—
<i>-дг + баа-дг</i>	—	—

Сочетание хабитуального причастия и вспомогательного глагола *баа-* 'быть' было зафиксировано в нашем корпусе как в положительной, так и в отрицательной форме, но лишь в трех формах прошедшего времени. Четвертая форма прошедшего времени на *-в* и остальные формы по оценке информантов невозможны; на несочетаемость формы претерита на *-в* в рамках аналитической конструкции с хабитуальным причастием и связкой *баа-* указывает и [Гото 2009: 127–128].

Поскольку во всех имеющихся примерах значение конструкции композиционно, задано самим хабитуальным причастием, а форма вспомогательного глагола привносит временную и модальную характеристику, возникает вопрос, чем вызвано такое ограничение на использование временных форм. Последний случай кажет-

ся очевидным: сочетание двух хабитуальных причастий в одной аналитической форме явно избыточно. Далее, это причастие может самостоятельно выступать как финитное сказуемое, относясь за счет контекста ко всем трем временным планам (около 90 примеров в нашем корпусе), так что использование нейтральных временных форм вспомогательного глагола также можно рассматривать как в принципе избыточное, сравним:

- (31) *Тер кәдлми эрк биш ода ке-д-мн.*
 тот работа непременно сейчас делать-PC.HAB-AFF

‘Ту работу надо выполнять непременно сейчас’ [НМ-23].

- (32) *Миңһи йисн зун хәр-дгч жыл-ин хавр йир кеңу*
 тысяча девять сто двадцать-ORD год-GEN весна очень трудный
цаг билә. һуйр- өдмг йир ховр бол-д-мн.
 время быть:DIR.EVD мука хлеб очень мало становиться-PC.HAB-AFF

‘Весна тысяча девятьсот двадцатого года была очень трудной. Было очень мало муки, хлеба’ [ДБ-22].

- (33) *Эн-чнь сәән-әр мед-сн бол-жәһ-ад,*
 это-POSS.2 хорошо-INS знать-PC.PRF становиться-PROG-CV.DISJ
шүүвр деер каар-ад чигн од-д-мн.
 экзамен на исчезать-CV.DISJ даже AUX-PC.HAB-AFF

‘Это (знание, о котором ты говоришь) кажется пока очень понятным, а (потом) на экзамене может даже исчезнуть’ [ИЛ-26].

Таким образом, можно сделать вывод, что нейтральные временные значения, выражаемые формами на *-на*, *-х* и *-в*, не обязательны к выражению при хабитуальном причастии в роли финитного сказуемого. Следовательно, три реально зафиксированные в корпусе формы прошедшего времени помимо временных несут некоторые важные дополнительные значения, которые хабитуальное причастие в одиночку передать не может; как мы уже знаем, данные три формы выражают эвиденциальные и модальные оттенки.

а. PC.HAB на -дг + бәә-с(м)н. Значение этой формы композиционно, складывается из простой суммы значений компонентов без дополнительной идиоматизации: регулярность передает причастие на *-дг*, прошедшее время, информационную значимость и эмоциональную вовлеченность – форма на *-с(м)н*, вспомогательный глагол служит для соединения компонентов:

- (34) *Тер цаг-т йилһ-жс өг-х күн би*
 тот время-DAT выбирать-CV.COP давать-PC.FUT человек я
бол-жс һар-дг бәә-с-мн.
 становиться-CV.COP выходить-PC.HAB быть-PC.PRF-AFF

‘В то время человеком, который должен был делать выбор, становился (как правило) я’ [ДБ-53].

- (35) *Кен түрүл-жс зар тарха-на,*
 кто опередить-CV.COP извещение рассылать-PRS
тер-нь хәрүл-х зөв ав-дг бәә-с-мн.
 тот-POSS.3 пасти-PC.FUT право брать-PC.HAB быть-PC.PRF-AFF

‘(Как правило,) Тот, кто первым разослал извещение, получал право пасти (коров)’ [ДБ-52].

б. PC.HAB на -дг + бәә-жс/санжс. Как и в предыдущем случае, причастие здесь несет собственное значение, а значение прошедшего времени и косвенной засвидетельствованности с оттенком неожиданности маркируется компонентами с эвиденциальным показателем *-жс*. Данное сочетание передает (часто неожиданные) регулярно происходившие или длительные события в прошлом, о которых говорящий знает из различных косвенных источников (пересказ, умозаключение):

- (36) Чам-аг альдаран уга бол-жс од-на гин-эд
 ты-ACC куда NEG становиться-CV.COP идти-PRS говорить-CV.DISJ
 бээ-нэ-в. Чи энд ир-дг бээ-жс-ч.
 быть-PRS-1SG ты здесь приходить-PC.HAB быть-INDIR.EVD-2SG
 'А я все думаю, куда же ты исчезаешь (всякий раз). А ты, оказывается, сюда приходил'
 [БА-47].
- (37) Та ондан улс-ин тускар муун-ар тоол-дг бээ-жс-т.
 Вы другой люди о плохо-INS думать-PC.HAB быть-INDIR.EVD-2PL
 'Вы (оказывается) плохо думаете о других людях' [БА-42].

в. PC.HAB на -дг + билэ. Эта конструкция передает повторяющуюся либо длительную ситуацию (-дг) в прошлом, непосредственно засвидетельствованную самим говорящим (эвиденциальная форма на -ла). Эта самая частотная в нашем корпусе конструкция используется обычно для характеристики постоянных свойств:

- (38) Боова эмгн-э гер мана гер-эс хоша бээ-дг билэ.
 Б. старуха-GEN дом наш дом-ABL рядом быть-PC.HAB быть:DIR.EVD
 Боова гер-т-эс-н хар-ч икэр йов-с-нь
 Б. дом-DAT-ABL-REFL выходить-CV.COP много ходить-PC.PRF-POSS.3
 мед-гд-д-го билэ.
 знать-PASS-PC.HAB-NEG быть:DIR.EVD
 Үүн-эс дала үг чигн сур-жс соңс-д-го
 этот-ABL много слово даже спрашивать-CV.COP слышать-PC.HAB-NEG
 билэ-видн.
 быть:DIR.EVD-1PL
 'Дом старухи Боовы стоял недалеко от нашего дома. Не было видно, чтобы Боова часто выходила из своего дома. Мы даже не слышали, чтобы она много говорила' [ДБ-41].

Значение аналогичной халха-монгольской аналитической формы Т.А. Бертагаев описывает как «повторное действие в прошлом с оттенком подтверждения» [Бертагаев 1964: 125].

Таким образом, в случае сочетания хабитуального причастия со вспомогательным глаголом бээ- 'быть' следует говорить лишь об одной конструкции, которая используется в двух эвиденциальных и одной модальной формах с прозрачным композиционным значением.

Таблица 7

Композициональная конструкция -дг бээ-

Структура	Значение
-дг + бээ-	Регулярное действие или свойство плюс
-дг + бээ-с(м)н	– информационная значимость
-дг + бээ-жс	– косвенная засвидетельствованность
-дг + билэ	– прямая засвидетельствованность

3.4. Микросистема конструкции «PC.HAB на -дг + бол- 'становиться'»

В данном случае сразу обращает на себя внимание тот факт, что в сочетаниях хабитуального причастия со вспомогательным глаголом бол- зафиксированы ровно те формы, которые не встречаются с глаголом бээ-: три нейтральные формы разных временных зон, причем с одинаковой частотностью. Бертагаев [Бертагаев 1964: 130–131] рассматривает аналогичные сочетания в халха-монгольском и бурятском языках не как аналитические глагольные формы, а как составные сказуемые, описывающие действие, повторяемое в тот или иной период времени. При этом он подчеркивает довольно

Микросистема конструкции *-дг бол-*

Структура	Кол-во примеров в сплошной выборке	% текстовых употреблений
<i>-дг + бол-(жа)-на</i>	7	0,35
<i>-дг + бол-с(м)н</i>	—	—
<i>-дг + бол-жс</i>	—	—
<i>-дг + бол-ла</i>	—	—
<i>-дг + бол-в</i>	8	0,4
<i>-дг + бол-х</i>	8	0,4
<i>-дг + бол-дг</i>	—	—

прозрачный характер значения «полусвязки» и ее форм: «полусвязка» *бол-* сохраняет свое лексическое значение ‘становиться’, а ее формы – значения абсолютного времени. В халха-монгольском и бурятском языках данное сочетание встречается во всех временных формах, кроме формы настоящего времени: «ни в бурятских, ни в халхаских источниках не обнаружены факты связи этих двух форм» [Бертагаев 1964: 131]. В калмыцком языке эта форма возможна, зато невозможны четыре других сочетания; при этом значения двух из трех обнаруженных в корпусе форм не вполне прозрачны и выходят за рамки временных.

а. РС.нав на *-дг + бол-(жа)-на*. Данная конструкция передает неожиданное для говорящего длительное событие в плане настоящего времени, актуального или расширенного, полученное в результате инференции на основе наблюдаемых фактов:

- (39) *Куук-д улс юцад эс көдл-дг бол-на?*
женщина-PL люди почему NEG работать-РС.нав становиться-PRS
‘Почему женщины не работают (сейчас, ведь все работали во время войны)?’ [НМ-21].
- (40) *Эдн цуһар мед-дг бол-жа-на!*
они все-PL знать-РС.нав становиться-PROG-PRS
‘(Получается,) они все уже знают (об этом)!’ [БА-44].

В примере (41) чрезвычайно интересно, что эвиденциально-миративное значение выражено сказуемым главной части, но относится к пропозиции зависимой части (формально главная часть представляет собой модальную рамку к «полнозначной» зависимой):

- (41) *Та һанцарн яһад иигжс аты-жс, нульмс-ан*
вы один почему так опечалиться-CV.COP слеза-REFL
цээрүл-жэ-х учр-нь юун-д бээ-дг бол-на?
проливать-PROG-РС.FUT причина-POSS.3 что-DAT быть-РС.нав становиться-PRS
‘В чем же причина того, что (в праздник) вы один так невеселы и проливаете слезы?’ [ДБ-20].

Эта конструкция частотна в зачинах фольклорных текстов; ее дискурсная функция заслуживает специального анализа.

б. РС.нав на *-дг + бол-х*. При помощи данной формы говорящий представляет длительную ситуацию как высоковероятную в момент речи, опираясь на свое знание мира. Например, в (42) говорящий знает, что его домашние всегда в это время ожидают его:

- (42) *Би ода хэр-нэ-в. Герткс-м нама-г*
 я сейчас возвращаться-PRS-1SG семья-POSS.1SG я-ACC
кулэ-жэ-дг бол-х.
 ждать-PROG-PC.HAV становиться-PC.FUT
 'Я пойду домой сейчас. Мои домашние, наверное, уже ждут меня' [ЖЯ-25].
- (43) *Адһн-шидһн хувц-ан өмс-жэ бэд-дг*
 спешно одежда:ACC-REFL надевать-CV.COP быть-PC.HAV
бол-х. Атхр үс-эн яс-жэ-дг
 становиться-PC.FUT кудрявый волос:ACC-REFL поправлять-PROG-PC.HAV
бол-х.
 становиться-PC.FUT
 (В ожидании подруги:) 'Наверное, (она) в спешке надевает свою одежду. Наверное, приводит в порядок свои кудрявые волосы' [ЭК-485].

При анализе данной конструкции возник вопрос, является ли она 1) эвиденциальной, передающей информацию, выводимую на основе знаний о мире (презумптив), ср. выше *-сн болх*; 2) формой эпистемической модальности возможности (подразумевающей «возможность наличия как минимум двух альтернативных ситуаций» [Храковский 2007: 617]); или 3) формой, объединяющей эти две категории (ср. «overlapping» [Николова 2003]). Мы считаем, что это презумптив, который составляет пару с конструкцией *-сн болх*; различие между ними заключается во временной соотнесенности (план прошедшего – план настоящего, актуального и расширенного) и в наличии / отсутствии эпистемического расширения (уверенность говорящего). Сравним:

А. Презумптив I (определенное событие в прошлом):

- (44) *Миңһн гектар һазр хаһл-ад, кесг дала буудя*
 тысяча гектар земля вспахать-CV.DISJ сколько много зерно
ха-яд, кедү мөңгн һар-си бол-х!
 бросать-CV.DISJ сколько деньги выходить-PC.PRF становиться-PC.FUT
 'После того как вспахали тысячу гектаров, столько зерна посеяли, сколько же денег должно было быть потрачено!' [НМ-25].

Б. Презумптив II (неопределенное событие в расширенном настоящем):

- (45) *Миңһн гектар һазр хаһл-х-д,*
 тысяча гектар земля вспахать-PC.FUT-DAT
дала мөңгн һар-дг бол-х.
 много деньги выходить-PC.HAV становиться-PC.FUT
 'Когда вспахивают тысячу гектаров, затрачивается, наверное, много денег'.

Таким образом, в калмыцком можно выделить две презумптивные конструкции, выражающие предположение говорящего о вероятном факте в прошлом и о вероятном событии, развивающемся в расширенном настоящем или в момент речи.

в. PC.HAV на -дг + бол-в. В отличие от двух выше рассмотренных форм, характеризующихся миративным и эвиденциальным значениями, данная форма служит для передачи исключительно временного значения. Говорящий описывает начавшееся и регулярно повторявшееся событие в прошлом:

- (46) *Командир-муд унт-х-ин өмн зәңһ соңс-дг*
 командир-PL спать-PC.FUT-GEN перед новости слушать-PC.HAV
бол-в.
 становиться-POST
 'Командиры перед сном стали постоянно слушать (радио-)новости' [ХМ-5].
- (47) *[...] булән суулһ ус өдр-т хойр ав-ч ир-жэ*
 теплый ведро вода день-DAT два брать-CV.COP приходить-CV.COP
өг-дг бол-в.
 дать-PC.HAV становиться-POST
 '[...] (он) стал приносить два раза в день ведро теплой воды' [БА-23].

Завершая анализ зафиксированных форм сочетаний хабикулярного причастия со вспомогательными глаголами *баа-* и *бол-*, следует отметить следующее:

- Сочетание хабикулярного причастия с глаголом *баа-* активно используется в трех формах прошедшего времени, значение которых композиционно и достаточно прозрачно. Все три формы не являются специальными идиоматизированными конструкциями и могут рассматриваться как парадигма аналитической глагольной конструкции *-дг баа-*.
- Из трех зафиксированных форм сочетания хабикулярного причастия с глаголом *бол-* форма с компонентом *болв* (семантически нейтральная форма прошедшего времени) с нейтральным композиционным значением дополняет парадигму конструкции *-дг баа-* значением фазового перехода.
- Оставшиеся две формы представляют собой идиоматизированные эвиденциальные конструкции: инферентив с миративным расширением *-дг болна* и презумптив настоящего расширенного времени.

Таблица 9

**Композиционная *-дг баа-* и две специализированные конструкции
-дг бол-(жа)-на и *-дг болх***

Структура	Значение
<i>-дг + баа-</i> <i>-дг + баа-сн</i> <i>-дг + баа-жс</i> <i>-дг + билә</i> <i>-дг + бол-в</i>	Регулярное действие или свойство – информационная значимость – косвенная засвидетельствованность – прямая засвидетельствованность – семантически немаркированное прошлое + фаза
<i>-дг + бол-(жа)-на</i>	Инферентив + миратив
<i>-дг + бол-х</i>	Презумптив (расширенное настоящее)

3.5. Микросистема конструкции «РС.FUT на *-х + баа-* ‘быть’»

Сочетание причастия будущего времени со вспомогательным глаголом *баа-* ‘быть’ зафиксировано в нашем корпусе лишь в трех временных формах; все три – *-ла*, *-сн* и *-жс* – относятся к зоне прошедшего времени. Интересно, что самая частотная и семантически немаркированная форма прошедшего времени на *-в* здесь не встречена. Тем не

Таблица 10

Микросистема конструкции *-х баа-*

Структура	Кол-во примеров в сплошной выборке	% текстовых употреблений
<i>-х + баа-на</i>	–	–
<i>-х + баа-с(м)н</i>	1	0,05
<i>-х + баа-жс</i>	1	0,05
<i>-х + билә</i>	39	1,95
<i>-х + баа-в</i>	–	–
<i>-х + баа-х</i>	–	–
<i>-х + баа-дг</i>	–	–

менее употребимы только конструкции, в которых налицо контраст между референцией в будущее (форма причастия) и в прошлое (временная форма вспомогательного глагола). Регулярное использование сочетания прошедшего времени и маркеров модальности/будущего времени в целях маркирования ирреальности описываемых событий отмечали многие языковеды [Bybee 1995; Dahl 1997; Lazard 1998; Панова 2004] и др. Ж. Лазар, исследовавший выражение ирреальности в разных языках мира, называет сочетание маркера прошедшего времени с маркером так называемой «виртуальности» наиболее распространенным способом маркирования ирреальности в аподозисе условных предложений. При этом маркер «виртуальности», по Лазару, может относиться к любой грамматической категории, позволяющей представить описываемую ситуацию как нереальную:

Le procédé le plus répandu pour faire exprimer au verbe le sens d'irréel consiste à y associer une marque de passé et une marque de virtuel. J'entends par «virtuel» toute catégorie linguistique impliquant référence à une situation qui est conçue sans être posée comme réelle: ce peut être une situation future, désirée, possible, éventuelle, habituelle, etc. [Lazard 1998: 237–238]¹³.

а. PC.FUT на -x + билэ. Данная форма, самая частотная в этом блоке, выражает вне-временное гипотетическое событие (48); за счет темпоральных наречий либо просто знаний о мире может окказионально появляться привязка к плану будущего (49) или прошлого, при этом отнесение к плану прошлого дает контрафактическое прочтение (50):

(48) *Нань кен чам-ур ишм ора ир-х билэ?*
еще кто ты-DIR так поздно приходить-PC.FUT быть:DIR.EVD
'Кто еще мог бы прийти к тебе так поздно?' [ТА-109].

(49) *Маңһдур эдн эн һол-ыг һатл-ш-го билэ.*
завтра они этот река-ACC переправиться-PC.FUT-NEG быть:DIR.EVD
'Завтра они не переправились бы через эту реку'.

(50) *Кевә-н һар би яһад хуһл-х билә-в?*
K.-GEN рука:ACC я зачем ломать-PC.FUT быть:DIR.EVD-1SG
'Зачем я сломал бы руку Кеви?' [НМ-19].

Эта же форма употребляется для выражения вежливости (51); оптативное употребление ирреальных форм, позволяющих снять излишнюю категоричность высказывания, – частое явление в языках мира:

(51) *Би буру ги-х уга билә-в.*
я неверный сказать-PC.FUT NEG быть:DIR.EVD-1SG
'Я не сказал бы, что это неправильно' [ДБ-14].

б. PC.FUT на -x + бәә-с(м)н. При помощи данной конструкции, описывающей контрафактическое событие, отнесенное к плану прошлого, говорящий за счет контраста подчеркивает реальное полностью противоположное положение дел. Финитная форма на -с(м)н, как мы уже знаем, маркирует информационную значимость сообщения и эмоциональную вовлеченность говорящего:

(52) *Тер зөрмг үүлдвр-т орден биш Герой нер*
тот отважный поступок-DAT орден NEG герой имя
өг-х бәә-с-мн.
давать-PC.FUT быть-PC.PRF-AFF

¹³ «Наиболее распространенный способ выражения значения ирреальности у глагола состоит в одновременном использовании маркеров прошедшего времени и виртуальности. Под «виртуальностью» я понимаю любую языковую категорию, отсылающую в той или иной форме к ситуации, которая мыслится без непосредственной привязки к реальности: это может быть ситуация будущая, желательная, возможная, обусловленная, обыкновенная и т.д.»

‘За тот отважный поступок не орден, а звание Героя должны были бы дать’ [БА-19] (контрастирующий факт: человек получил орден, но не звание Героя – обозначен лексически).

- (53) *Теег-т бээ-дг улс альдас орс кел*
 степь-DAT жить-РС.НАВ люди откуда русский язык:ACC
дас-х бээ-с-м-би?
 учить-РС.FUT быть-РС.PRF-AFF-Q

‘Люди, живущие в степи, как бы они, бедняги, выучили русский язык?’ [БА-22] (факт: в степи того времени люди не знали русского, не было ни школ, ни русских учителей).

Описывая аналогичную халха-монгольскую конструкцию с причастием на -х и частицей *сан/сэн* (исторически форма причастия прошедшего времени от исчезнувшего глагола *а-* ‘быть’), Бертагаев указывает, что частица «придает сказуемому значение утвердительной условности, т.е. показывает неперенную осуществимость действия при определенных объективных и субъективных условиях» [Бертагаев 1964: 154–155]:

- (54) *Хэзээ нег учир-вал хэрг-ийн учр-ыг*
 если один встретиться-CV.COND дело-GEN причина-ACC
мэдэ-х сэн. Ялгуу-сан хайр-ын ивэлтэй
 узнать-РС.FUT PRT ликовать-РС.PRF любимый-GEN ободряющий
дуу-гий нь сонсо-х сон.
 песня-ACC POSS.3 слышать-РС.FUT PRT

‘Если бы он хоть однажды встретился, то узнал бы причины всех этих происшествий и услышал бы победные звонкие песни своей любимой, ободряющие его’ [Бертагаев 1964: 155], глоссирование наше.

в. РС.FUT на -х + бээж. Третья ирреальная форма позволяет описать контрафактическое должествование в плане прошлого с оттенком сожаления об упущенной возможности; эвиденциальная финитная форма на -ж (косвенная засвидетельствованность с миративным расширением) дает здесь значение ретроспективной переоценки реальных событий с несоответствующим реальности выводом:

- (55) *Анжа-г бэр-ж өг-эд, хуур-х-мн бээ-ж.*
 А.-ACC схватить-CV.COP дать-CV.DISJ покончить-РС.FUT-AFF быть-INDIR.EVD
 ‘Надо было (тогда) схватить Анджу и тем самым покончить с ним’ [ИЛ-50].

- (56) *Нег сум-иг теңг-үр тэв-х-м бээ-ж.*
 один снаряд-ACC небо-DIR отпустить-РС.FUT-AFF быть-INDIR.EVD
 ‘Надо было (тогда) запустить один снаряд в небо’ [ХМ-39].

Все три рассмотренные ирреальные формы можно встретить в аподозисе ирреально-условных предложений, при этом самой частотной является ирреальная форма -х *билэ*, способная передавать как контрафактическое, так и гипотетическое значение (57). Остальные две формы встречаются реже и только в контрафактическом значении:

- (57) *Олн кун бээ-сн бол-хла, ман-ас*
 много человек быть-РС.PRF становиться-CV.COND мы-AVL
булт-ш-го билэ, хойр кун бээ-сн
 прятаться-РС.FUT-NEG быть:DIR.EVD два человек быть-РС.PRF
бол-хла, хамдан зул-х бээ-сн.
 становиться-CV.COND вместе убежать-РС.FUT быть-РС.PRF
 ‘Если было бы много людей, то они не прятались бы от нас, если было бы двое, то они бы (однозначно) убежали вдвоем’ [ЖА-54] (факт: слышны были только шаги одного человека).

* * *

Таким образом, сочетание причастия будущего времени с бытийным глаголом в прошедшем времени не передает эвиденциальные / миративные значения, но лежит в основе трех ирреальных форм современного калмыцкого, отличающихся друг от друга следующими характеристиками:

– Самая частотная форма -х *билэ* передает как контрафактические, так и гипотетические события и обслуживает область вежливости;

– *-x бээж* и *-x бээс(м)н* имеют исключительно контрафактические значения, причем различия в их значении во многом обусловлены финитными формами: ретроспективная переоценка прошедших событий с выводом, несоответствующим реальным фактам (*-жс*), и информационная значимость/эмоциональная вовлеченность (*-с(м)н*).

3.6. Микросистема конструкции «*pc.fut* на *-x + бол-* ‘становиться’»

Таблица 11

Микросистема конструкции *-x бол-*

Структура	Кол-во примеров в сплошной выборке	% текстовых употреблений
<i>-x + бол-(жа)-на</i>	1	0,05
<i>-x + бол-с(м)н</i>	1	0,05
<i>-x + бол-жс</i>	—	—
<i>-x + бол-ла</i>	—	—
<i>-x + бол-в</i>	1	0,05
<i>-x + бол-х</i>	1	0,05
<i>-x + бол-дг</i>	—	—

Сочетание причастия будущего времени со вспомогательным глаголом *бол-* ‘становиться’ было зафиксировано в нашем корпусе текстов в четырех разных временных формах, причем все четыре – с эвиденциально-проспективным значением.

а. *pc.fut* на *-x + бол-(жа)-на*. Для калмыцкого языка Санжеев [Санжеев (ред.) 1983: 226] указывает, что «форма с аффиксами *-x(мн)* может выражать и значение потенциальной возможности при наличии полусвязки *бол-* (становиться) в форме настоящего времени, несущей в основном модальный оттенок возможности»:

- (58) *Цагтан шар яман-а арсн чигн тусан*
 время-REFL рыжий коза-GEN шкура даже польза:ACC-REFL
курз-х-мн бол-жа-на.
 доставлять-PC.FUT-AFF становиться-PROG-PRS
 ‘В свое время и шкура рыжей козы может принести пользу’ [Там же: 226], глоссирование наше.

В более ранней сводной грамматике монгольских языков он же пишет, что причастие будущего времени в сочетании с формой имперфектного презенса от *бол-* ‘становиться’ чаще всего выражает действие с оттенком долженствования, необходимости или неизбежности последнего [Санжеев 1963: 199–200], как, например, в бурятском:

- (59) *Хэмнай яба-ха боло-но?*
 кто:POSS.1PL идти-PC.FUT становиться-PRS
 ‘Кому из нас придется отправляться?’ [Санжеев 1963: 200], глоссирование наше.

Анализ примеров нашего корпуса (1 в первичной выборке, 15 во вторичной) показал, что в данном случае речь идет о конструкции эвиденциального проспектива в провиденциальном значении ([Маслова 2004], ср. также «дестинатив» [Плунгян 2006]): говорящий описывает ситуацию, неизбежное осуществление которой в будущем не зависит от намерения / воли ее участников, а предопределено внешними обстоятельствами («*G* – некоторая совокупность обстоятельств, в н е ш н и х по отношению к субъекту *x* события *L(x)*; в частности, предстоящее участие *x* в событии *L* концептуализируется

как нечто независимое от его намерений и/или текущего состояния» [Маслова 2004: 214]). В данной конструкции эта совокупность обстоятельств задается как наличествующая в расширенном настоящем:

(60) *Хойр көгшин нег негэн хэлэ-лд-эд, эн гер-ин*
 два старик друг друга смотреть-CV.TERM-RECP ЭТОТ дом-GEN
йорал-д суу-х-мн бол-жа-на.
 глубь-DAT сидеть-PC.FUT-AFF становиться-PROG-PRS
 '(Теперь нам,) Двум старикам суждено сидеть в этом доме и смотреть друг на друга'
 [ТА-21].

(61) *Аав эцк хойр-ин-нь эс чад-с-иг эн көвүн*
 дед отец два-GEN-POSS.3 NEG мочь-PC.PRF-ACC ЭТОТ мальчик
күцэ-жэ йов-х бол-жа-на.
 осуществить-CV.COP AUX-PC.FUT становиться-PROG-PRS
 'То, что не успели дед и отец, суждено довести до конца этому мальчику' [ЖА-26].

В определенных условиях эта конструкция реализуется как гипотетический про-спектив, т. е. маркирует «не будущее как таковое, а некоторое положение дел в настоя-щем: а именно сообщается о том, что в момент речи положение дел таково, что оно может привести к возникновению определенной ситуации в будущем. Значение буду-щего времени (в случае если отчет идет от момента речи) <...> возникает тем самым как прагматическая импликация» [Майсак 2000: 21]. При этом Майсак указывает на неслу-чайный характер употребления именно формы настоящего времени вспомогательного глагола перспективных конструкций, что имеет место и в калмыцком:

(62) *Тиигэд эс бол-х азд-алы көвү-д-ин*
 так NEG становиться-PC.FUT непристойный юноша-PL-GEN
үлмэ-д ор-жэ од-х-м бол-жа-на.
 влияние-DAT входить-CV.COP AUX-PC.FUT-AFF становиться-PROG-PRS
 'Вот так и попадают (можно попасть) под влияние непристойных молодых людей' [ТА-71].

(63) *Кун кү дажр-ш уга бол-жа-на.*
 Человек человек:ACC угнетать-PC.FUT NEG становиться-PROG-PRS
 'Человек человека не может (отныне) угнетать' [ЭК-573].

Как видим, гипотетическое прочтение этой формы в калмыцком обусловлено рефе-ренциальным статусом субъекта (неопределенность).

б. PC.FUT на -х + бол-в. Этот вариант эвиденциального проспектива передает инфор-мацию, полученную путем логического умозаключения на основе не наличествующих на момент речи факторов, как в предыдущем случае, а уже совершившихся событий: речь идет о некотором событии, которое понимается как необходимое, предписанное или обусловленное рядом реальных событий в прошлом. Второе существенное отличие данной конструкции – миративность (полученный вывод не соответствует ожиданиям говорящего):

(64) *Одак кууки ир-ш-го бол-в-у?*
 тот самый девушка приходить-PC.FUT-NEG становиться-PST-Q
 '(Так что же, выходит), эта девушка (вообще) больше не придет?' [ЭК-524] (контекст: за ней ходили несколько раз и она все время отказывалась).

(65) *Церг эшелон-ас хар-хларн, hazp-т эрэ*
 полк эшелон-AVL выходить-CV.COND земля-DAT едва
багт-жа-х бол-в.
 помещаться-PROG-PC.FUT становиться-PST
 'Когда полк стал выходить из эшелона, то оказалось, что он едва сможет поместиться на перроне' [ХМ-49].

Мы определяем эту конструкцию как перспектив на базе прямой засвидетельство-ванности с совмещенным миративным значением.

в. PC.FUT на -х + бол-с(м)н. Эта разновидность эвиденциального проспектива базируется не на инференции, а на пересказе (факты, известные из прошлых сообщений). Тем самым временная соотнесенность у данной конструкции та же, что у предыдущей, но они образуют оппозицию за счет эвиденциальных характеристик информационной базы умозаключения; кроме того, финитная форма на -с(м)н дополнительно маркирует информационную значимость / эмоциональную вовлеченность:

- (66) Арслң эн жыл аав-ан дах-ад Ижл көвә ор-х
 А. этот год дед-REFL следовать-CV.DISJ Волга берег ехать-PC.FUT
 бол-жа-си.
 становится-PROG-PC.PRF
 '(А ведь) Арслан должен был в этом году ехать со своим дедом на берег Волги' [Бл.А-15] (контекст: весь класс на каникулах оставляют на работы в колхозе).
- (67) Леежн-ә мөрн-ә бодар-иг Утнаси дөрви
 Л.-GEN лошадь-GEN стоимость-ACC У. четыре
 мөр-әр босх-х бол-с-ми.
 лошадь-INS восстановить-PC.FUT становится-PC.PRF-AFF
 'Утнаси должен был (по решению суда) возместить стоимость лошади Лееджи четырьмя (своими) лошадьми' [ДБ-16].

Данную конструкцию можно определить как проспектив на ренарративной базе с информационной значимостью / эмоциональной вовлеченностью.

г. PC.FUT на -х + бол-х. Данная разновидность эвиденциального проспектива также является миративной и описывает умозаключение на базе событий, которые только ожидаются в будущем, как ожидание вследствие предшествующих ожиданий (ср. «действие, которое неминуемо совершится и по поводу которого выражается опасение субъекта» [Пюрбеев 2010: 99]):

- (68) Ода дөчн дууна-д яһж тер ир-х-ми
 теперь сорок верста-DAT как она приходить-PC.FUT-AFF
 бол-х-ви?
 становится-PC.FUT-Q
 'Как же ей теперь придется приезжать за сорок верст?' [БА-35] (контекст: мальчик уезжает в интернат и думает о будущих посещениях матери).
- (69) Ода мөңг-тә, зун миңһи арслң-та залу терүн-әс-н
 теперь деньги-СОМ сто тысяча рубль-СОМ мужчина TOT-ABL-REFL
 хөрн тав-и-нь өг-ч чад-ш-го
 двадцать пять-ACC-POSS.3 дать-CV.COP мочь-PC.FUT-NEG
 бол-жа-х-м-би?
 становится-PROG-PC.FUT-AFF-Q
 '(Что же получается, что) Теперь (он) богатый мужчина, со ста тысячами рублей, не сможет дать из них двадцать пять тысяч?' [ЖА-89] (контекст: после того, как будут осуществлены первоочередные расходы).

Этот тип мы назовем «эвиденциальный постпроспектив» с совмещенным миративным значением.

* * *

Таким образом, на основе комбинации причастия будущего времени со вспомогательным глаголом *бол-* в современном калмыцком образованы четыре эвиденциально-проспективные конструкции, сложным образом противопоставленные друг другу. Финитные временные формы в них соотносят с моментом речи не прогнозируемое событие, а те информационные факторы, на основе которых вынесено проспективное умозаключение; самой частотной здесь является форма (расширенного) настоящего, будущее (постпроспектив, ср. нем. Futur II) встречается значительно реже (всего два примера). В зоне прошедшего дополнительно различается характер информации, лежащей в основе умозаключения: прямая засвидетельствованность или пересказ. Наконец, две конструкции из четырех дополнительно имеют миративное расширение.

Специализированные конструкции -х бээ- и -х бол-

Структура	Значение
-х + бээ- -х + бээ-сн -х + бээ-жэ -х + билэ	Ирреальное событие – контрафактичность + инф. значимость / эмоциональная вовлеченность говорящего – контрафактичность (долженствование) + сожаление – контрафактичность / гипотетичность / вежливость
-х + бол-(жа)-на	Эвиденциальный пропектив – провиденциальный пропектив – гипотетический пропектив
-х + бол-с(м)н	Пропектив на ренарративной базе + инф. значимость
-х + бол-в	Пропектив на базе прямой засвидетельствованности + миратив
-х + бол-х	Постпропектив + миратив

3.7. Микросистема конструкции «РС.PRS на -А + бээ- ‘быть’»

Таблица 13

Микросистема конструкции -А бээ-

Структура	Кол-во примеров в сплошной выборке	% текстовых употреблений
-А + бээ-нэ	9	0,45
-А + бээ-с(м)н	–	–
-А + бээ-жэ/санжэ	–	–
-А + билэ	1	0,05
-А + бээ-в	–	–
-А + бээ-х	2	0,1
-А + бээ-дг	–	–

Сочетание причастия настоящего времени со вспомогательным глаголом бээ- ‘быть’, которое Гото определяет как континуатив [Гото 2009: 127], зафиксировано в нашем корпусе в трех разных временных формах. Значение двух форм – с показателем настоящего времени и прямой эвиденциальности – прозрачно и выводимо из суммы компонентов:

а. РС.PRS на -А + бээ-нэ:

(70) Дууһ-ин-нь бээдл энүн-э санан-д ода чиги
сестра-GEN-POSS.3 вид ЭТОТ-GEN мысли-DAT сейчас даже
бээһ-э бээ-нэ.
быть-РС.PRS быть-PRS
‘Вид ее младшей сестры до сих пор занимает ее мысли’ [ИЛ-37].

- (71) Эндр кұртл кәдл-ә бәә-нә.
сегодня до работать-PC.PRS быть-PRS-1SG
'(Он) работает до сих пор' [БА-17].

б. PC.PRS на -А + билә:

- (72) Жирн насн-ан-нь туршарт Бомбржан гес-ән
шестьдесят возраст-GEN-POSS.3 в течение Б. живот-REFL
икәр өлс-к-лго эндр өдр кұртл йов-а билә.
сильно голодать-CAUS-CV.NEG сегодня день до идти-PC.PRS быть-DIR.EVD
'Бомбрджан жил шестьдесят лет до настоящего времени, сильно не голодая' [БА-77].

- (73) Ура! Мана кун зооц зөө-жә ир-х
ура наш человек подарок везти-CV.COP приехать-PC.FUT
ги-жә кел-ә бәә-лә-видн.
говорить-CV.COP сказать-PC.PRS быть-DIR.EVD-1PL
'Ура! Мы же (все время) говорили, что наш человек придет с подарком' [ЭК-323].

в. PC.PRS на -А + бәә-х. В отличие от предыдущих данная форма имеет дополнительное эпистемическое значение высокой степени достоверности, при этом значение континуатива сохраняется. Ни миративного, ни эвиденциального значений у этой формы мы не встретили:

- (74) Ямаран кев-әр әмтн-ә седкл-иг авл-х-ан
какой вид-INS люди-GEN душа-ACC завоевать-PC.FUT-REFL
Леежн бас мед-ә бәә-х-го-в?
Л. тоже знать-PC.PRS быть-PC.FUT-NEG-Q
'Каким образом завоевать сердца людей, Лееджин разве не знает?' [ДБ-17].

- (75) Чи нааран [...] ир-жә. Харһ-а бәә-х-видн.
Ты сюда приехать-IMP.2SG-PROG встретиться-PC.PRS быть-PC.FUT-1PL
'Ты сюда [...] приезжай. Мы несомненно будем еще встречаться (и дальше)' [ЭК-104-5].

3.8. Микросистема конструкции «PC.PRS на -А + бол- 'становиться'»

Таблица 14

Микросистема конструкции -А бол-

Структура	Кол-во примеров в сплошной выборке	% текстовых употреблений
-А + бол-на	—	—
-А + бол-с(м)н	—	—
-А + бол-жә	—	—
-А + бол-ла	—	—
-А + бол-в	—	—
-А + бол-х	1	0,05
-А + бол-дг	1	0,05

Сочетание причастия настоящего времени со вспомогательным глаголом бол- 'становиться' было зафиксировано в нашем корпусе лишь в двух формах; в первом случае общее значение композиционально, складывается из значений фазового глагола, хаби-туального причастия на -дг и континуативного значения причастия настоящего времени на -А:

- (76) *Цаһан өвс-эр элвг төлэ-д-нь ик кезэ-н-эс*
 ковыль-INS изобильный причина-DAT-POSS.3 большой когда-GEN-ABL
нааран иигжэ кел-э бол-дг.
 сюда так сказать-PC.PRS становиться-PC.HAB
 'Так стали называть с давних пор из-за обилия ковыля' [НМ-10].

Вторая форма идиоматизирована, мы рассматриваем ее как модальную конструкцию предположения (неуверенное предположение о ситуации, начавшейся в некоторый момент в прошлом и продолжающейся в момент речи):

- (77) *Савр Андрей хойр-иг ир-эд һар-си-ас ави*
 С. А. двое-INS приходить-CV.DISJ уходить-PC.PRF-ABL с
чама-г хэлэһ-эд зогс-а бол-х.
 ты-ACC смотреть-CV.DISJ стоять-PC.PRS становиться-PC.FUT
 'Она (бабушка), наверное, так и стоит (у окна), высматривая тебя, с тех пор как пришли и ушли Савр и Андрей' [ТА-43].

Таким образом, для двух конструкций с причастием настоящего времени и вспомогательными глаголами *бээ-* и *бол-* мы встретили как парадигматические формы с прозрачным композициональным значением, так и идиоматизированные формы с эпистемическими значениями (с причастиями будущего времени *бээх* и *болх*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, для выявления инвентаря эвиденциальных и миративных форм калмыцкого глагола мы провели анализ как финитных форм, так и массива аналитических глагольных конструкций на базе четырех самых частотных причастий в сочетании со вспомогательными глаголами *бээ-* 'быть' и *бол-* 'становиться'. Обнаружилось, что композициональных форм среди них очень мало, большинство являются идиоматизированными, а в сфере эвиденциальности задействованы только конструкции с причастием прошедшего времени на *-си*, будущего времени на *-х* и хабитуального причастия на *-дг*. Все конструкции с причастием настоящего времени на *-А* задействованы в сфере времени / аспекта и модальности; к эвиденциальной / миративной зоне не относятся также две временные конструкции с причастием на *-си* (перфект и плюсквамперфект с разными формами глагола *бээ-*) и три ирреальные конструкции, грамматикализованные из сочетания причастия на *-х* с глаголом *бээ-*.

К системе эвиденциальности / миративности в калмыцком мы относим две синтетические формы *-ла* и *-жэ* (из них первая отрицания не присоединяет вообще, а со второй оно используется очень редко) и большое количество аналитических глагольных конструкций на базе причастий. При этом обнаружили следующие группы: 1) прямая засвидетельствованность с двумя конструкциями, 2) косвенная засвидетельствованность, включающая четыре микроблока: а) общая косвенная засвидетельствованность с тремя конструкциями (индиректив с вариантами инферентив и ренарратив), б) специализированный инферентив (две конструкции), в) презумптив (две конструкции), г) эвиденциальный проспектив (четыре конструкции).

Прямая засвидетельствованность передается помимо основного синтетического показателя *-ла*, не употребляющегося с отрицанием, еще специальной конструкцией *-си болдг*. Они противопоставлены друг другу как нейтральная (*-ла*) и информационно / эмоционально нагруженная (*-си болдг*). Сюда же примыкает, с одной стороны, композициональная форма *-дг билэ*, где прямую засвидетельствованность повторяющихся действий маркирует показатель *-ла* вспомогательного глагола, с другой же – идиоматизированная отрицательная конструкция *-си уга билэ*, выражающая подчеркнутую достоверность и эмоциональную вовлеченность говорящего.

Общая косвенная засвидетельствованность (индиректив) передается двумя формами: синтетической на *-жэ* и аналитической *-си бээжэ* (с синонимическим вариантом *-си санжэ*). Обе они часто имеют миративное прочтение, при этом сообщаемая информация

получена чаще всего в результате анализа некоторых наблюдаемых фактов и логического умозаключения на их базе (инферентив), но также и от третьих лиц (пересказ / ренарратив). Презумптивное значение у этих форм невозможно. Различие между ними состоит в длительности временного интервала между реконструированным событием и сообщением о нем (аналогично соотношению перфект : плюсквамперфект). Сюда же примыкает композициональная конструкция с хабитуальным причастием + *бээж* (с синонимическим вариантом *-дг санж*), передающая повторяющиеся или длительные события, причем эвиденциальный компонент в общее композициональное значение приносит именно показатель *-ж*.

В качестве отдельных специализированных блоков подсистемы косвенной засвидетельствованности выступают инферентивные и презумптивные конструкции. В группу инферентивных входят две специальные идиоматизированные конструкции с хабитуальным причастием и с причастием прошедшего времени + элемент *бол-(жа)-на*; они противопоставлены временной референцией: ретроспективный инферентив (*-си бол-(жа)-на*) выражает реинтерпретацию или реконструкцию событий в прошлом, неожиданную для говорящего, а синхронный инферентив (*-дг бол-(жа)-на*) ориентирован на длящиеся или повторяющиеся события в плане расширенного настоящего (в том числе для внутреннего времени нарратива).

К презумптивным относятся две конструкции, противопоставленные друг другу на основе (не)определенности и временной соотнесенности описываемых событий: на основании своих знаний о мире говорящий сообщает в первом случае о возможных конкретных событиях, завершенных в прошлом (*-си болх*), тогда как во втором – о неопределенных событиях (расширенного) настоящего (*-дг болх*). Первая конструкция отличается также особой информативной нагрузкой и эмоциональной вовлеченностью говорящего.

Блок эвиденциально-проспективных конструкций грамматикализован на базе сочетания причастия будущего времени и вспомогательного глагола *бол-* и включает 1) простой эвиденциальный проспектив с гипотетическим и провиденциальным прочтением, 2) проспектив на ренарративной базе с расширением «информационная значимость», 3) проспектив на базе прямой засвидетельствованности и 4) постпроспектив, последние два с миративным расширением. Эти четыре проспективные конструкции различаются финитными временными формами, задающими временную референцию для той информационной базы, на основе которой вынесено логическое умозаключение о предстоящем событии; эта база представляет собой либо синхронно наличествующие факторы (*-х бол-(жа)-на*), либо факторы, лежащие в сфере прошлого, с дальнейшим разграничением информации, полученной от третьих лиц (*-х бол-с(м)н*), и прямо засвидетельствованных (*-х бол-в*), либо факторы, которые сами только ожидаются в будущем (*-х бол-х*).

На стыке эвиденциальности и модальности находится конструкция *-си болв*, выражающая неуверенную субъективную интерпретацию непосредственно воспринятого.

Таким образом, к эвиденциальной системе калмыцкого языка относятся две синтетические формы на *-ла* и *-ж*, а также одиннадцать специальных аналитических глагольных конструкций и три парадигматические формы с композициональным значением, в состав которых входят эвиденциальные показатели *-ла* и *-ж*. Обращают на себя внимание два факта: во-первых, многие представленные здесь эвиденциальные формы совмещают по два элементарных эвиденциальных значения (как, например, проспектив на базе прямого восприятия и т.д.), во-вторых, на фоне такой мощной дифференциации на удивление бедной оказалась зона пересказывательности. Мы полагаем, что это значение может быть представлено конструкциями на базе вспомогательного глагола *гов-*, которые тем самым должны стать объектом дополнительного исследования; после выявления и описания конструкций этого типа можно будет представить эвиденциальную систему калмыцкого языка в целом.

Из десяти специальных конструкций четыре имеют совмещенное миративное значение: две инферентивные (*-си бол(жа)на* и *-дг бол(жа)на*) и две проспективные кон-

струкции (-х болв и -х болх); кроме того, две композиционные формы с эвиденциальным компонентом -жэ (-сн бээжэ и -дэ бээжэ) также могут дополнительно выражать миративное значение. Это значение передает и миративная частица -жэ, которая присоединяется к сказуемым именного типа, в том числе к причастиям. Таким образом, в калмыцком языке миративность, во-первых, имеет специальное выражение в именном сказуемом, а во-вторых, регулярно выступает в качестве семантического расширения в сфере косвенной засвидетельствованности, но не имеет специализированных глагольных форм.

Минимум три формы – -жэ, -дэ болна и -дэ билэ – несут дополнительные дискурсивные функции, анализ которых должен стать следующим шагом исследования калмыцких эвиденциальных форм.

ПРИЛОЖЕНИЕ

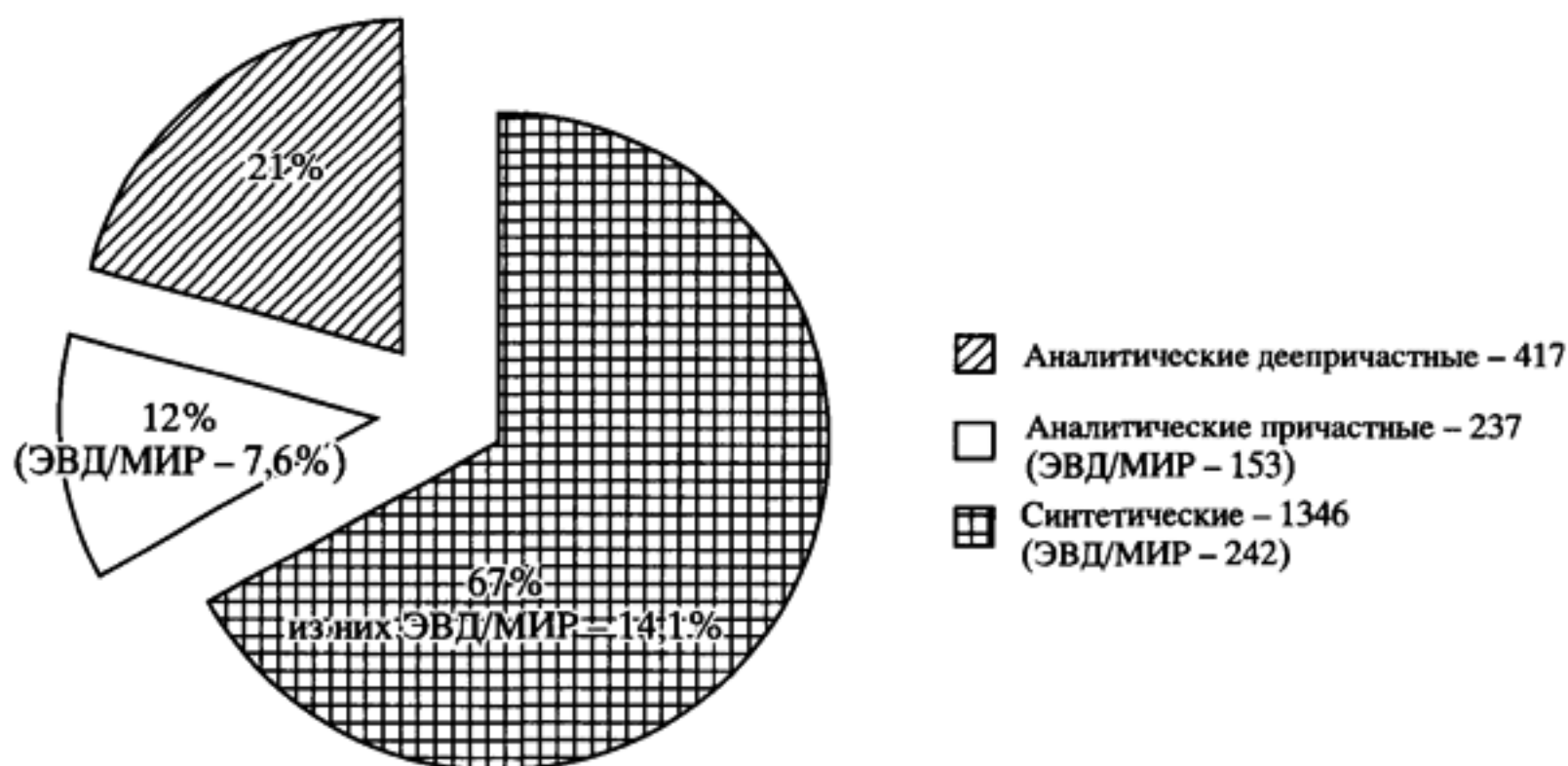

Рис. 1. Финитные глагольные сказуемые калмыцкого языка

СОКРАЩЕНИЯ

ABL	исходный падеж	INS	творительный падеж
ACC	винительный падеж	KOP	«Kopula» [Ibid.: 250]
AFF	подтвердительная частица	NA	«Narrativ» [Ibid.: 250]
AUX	вспомогательный глагол	NEG	отрицательная частица
CAUS	побудительный залог	NPF	«nomen perfecti» [Ibid.: 250]
CCO	«converbum coniunctivum» [Bittigau 2003: 249]	ORD	порядковые числительные
COM	совместный падеж	PASS	пассивный залог
COMPL	законченный вид	PC.FUT	причастие будущего времени
COP	соединительный падеж	PC.HAB	хабитуальное причастие
CV.COND	условное деепричастие	PC.POT	причастие возможности
CV.COP	соединительное деепричастие	PC.PRF	причастие прошедшего времени
CV.DISJ	разделительное деепричастие	PC.PRS	причастие настоящего времени
CV.MOD	слитное деепричастие	PL	множественное число
CV.NEG	отрицательное деепричастие	PLR	показатель глагольной множественности
CV.TERM	предельное деепричастие	POSS	лично-притяжательная частица
DAT	дательно-местный падеж	PROG	длительный вид
DL	«Dativ-Lokativ» [Ibid.: 250]	PRS	настоящее время
EMPH	эмфатическая частица	PRT.INDIR.EVD	частица косвенной засвидетельствованности
DIR	направительный падеж	PST	простое прошедшее время
DIR.EVD	прямая засвидетельствованность	Q	вопросительная частица
INDIR.EVD	косвенная засвидетельствованность	RECP	взаимный залог
FUT	будущее время	REFL	возвратная частица
GEN	родительный падеж	REM	«Pronomen der Ferndeixis» [Ibid.: 251]
IMP	повелительное наклонение	sg	единственное число

КОРПУС ТЕКСТОВ

БА	<i>Бадмин Алексей.</i> Мукөвүн. Элиста, 1988.
Бл.А	<i>Балакан Алексей.</i> Күн болх баһасн. Элиста, 1976.
ББ	<i>Басңга Баатр.</i> Бумбин орн. Элиста, 1981.
БН	<i>Буурла Николай.</i> Шавта насн // Теегин герл. 2003. № 1.
ДБ	<i>Доржын Басң.</i> Эзн. Элиста, 1981.
ЖА	<i>Жимбин Андрей.</i> Күүнэ жирһл им. Элиста, 1990.
ЖЯ	<i>Жамбин Ярослав.</i> Му уга – сэн уга. Элиста, 1983.
ИЛ	<i>Инжын Лиж.</i> Ольдан күүкн. Элиста, 1972.
НМ	<i>Нармин Морхаж.</i> Сунһгдсн үүдэврмүдин хураңһу. 2-гч боть. Элиста, 1987.
СБ	<i>Саңһжын Бося.</i> Шуурһн. Элиста, 1983.
ТА	<i>Тачин Анжса.</i> Буурлдан үнр. Элиста, 1986.
ХМ	<i>Хоньна Михаил.</i> Чи медхмч, Смоленскин һазр. Элиста, 1974.
ЭК	<i>Эрнжэнэ Константин.</i> Һалан хадһл. Элиста, 1979.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова 1999 – Н.Д. Арутюнова. Язык и мир человека. М., 1999.
Бертагаев 1964 – Т.А. Бертагаев. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. М., 1964.
Бобровников 1849 – А.А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
Бондарко 1976 – А.В. Бондарко. Теория морфологических категорий. Л., 1976.

- Гото 2009 – К.В. Гото. Система финитных форм прошедшего времени // С.С. Сай, В.В. Баранова, Н.В. Сердобольская (ред.). Исследования по грамматике калмыцкого языка. Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. V. Ч. 2. 2009.
- Дораяева 1979 – Р.П. Дораяева. Прошедшее результативное время в современном калмыцком языке // Актуальные проблемы калмыцкой филологии. Элиста, 1979.
- Майсак 2000 – Т.А. Майсак. Грамматикализация глаголов движения: опыт типологии // ВЯ. 2000. № 1.
- Майсак, Татевосов 2000 – Т.А. Майсак, С.Г. Татевосов. Пространство говорящего в категориях говорящего, или Чего нельзя сказать о себе самом // ВЯ. 2000. № 5.
- Маслова 2004 – Е.С. Маслова. К типологии проспектива: категория провиденциалиса в юкагирских языках // Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004.
- Мельчук 1998 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. 2. М.; Вена, 1998.
- Мулаева 2006 – Н.М. Мулаева. Лексико-грамматические средства выражения модальности в калмыцком языке (возможность, необходимость, достоверность): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2006.
- Недялков, Яхонтов 1983 – В.П. Недялков, С.Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций // В.П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
- Ницолова 2003 – Р. Ницолова. Семантическая гиперкатегория «Характеристика говорящим сообщаемой информации» и ее связь с временем и лицом глагола // В.С. Храковский (ред.). Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2003.
- Панова 2004 – Ю.Н. Панова. Ирреалис в персидском языке: прошедшее время + // Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
- Плунгян 2004 – В.А. Плунгян. О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004.
- Плунгян 2006 – В.А. Плунгян. К описанию армянской глагольной парадигмы: «темпоральная подвижность» и перфектив // Армянский гуманитарный вестник. 2006. № 1.
- Плунгян 2011 – В.А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Пюрбеев 2010 – Г.Ц. Пюрбеев. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста, 2010.
- Сай 2009 – С.С. Сай. Грамматический очерк калмыцкого языка // С.С. Сай, В.В. Баранова, Н.В. Сердобольская (ред.). Исследования по грамматике калмыцкого языка. Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. V. Ч. 2. СПб., 2009.
- Санжеев 1963 – Г.Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.
- Санжеев (ред.) 1983 – Г.Д. Санжеев (ред.). Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983.
- Скрибник, Озонова 2007 – Е.К. Скрибник, А. Озонова. Средства выражения эвиденциальности и миративности в алтайском языке // В.С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007.
- Харчевникова 1996 – Р.П. Харчевникова. Система глагола в современном литературном калмыцком языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1996.
- Храковский 2007 – В.С. Храковский. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // В.С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007.
- Цыдыпов 1972 – Ц.Ц. Цыдыпов. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972.
- Aikhenvald 2004 – A. Aikhenvald. Evidentiality. Oxford, 2004.
- Birtalan 2003 – Á. Birtalan. Oirat // J. Janhunen (ed.). The Mongolic languages. London; New York, 2003.
- Bittigau 2003 – K.R. Bittigau. Mongolische Grammatik. Entwurf einer Funktionalen Grammatik (FG) des modernen, literarischen Chalchamongolischen. Wiesbaden, 2003.
- Bläsing 2003 – U. Bläsing. Kalmuck // J. Janhunen (ed.). The Mongolic languages. London; New York, 2003.
- Bybee 1995 – J. Bybee. The semantic development of past tense in English // J. Bybee, S. Fleischman (eds.). Modality in grammar and discourse. Amsterdam, 1995.
- Chafe, Nichols (eds.) 1986 – W. Chafe, J. Nichols (eds.). Evidentiality: The linguistic coding of epistemology. Norwood (New Jersey), 1986.

- Curnow 2000 – *T.J. Curnow*. Why 'first / non-first person' is not grammaticalized mirativity // K. Allen, J. Henderson (eds.). *Proceedings of ALS2k, the 2000 Conference of the Australian linguistic society* // <http://www.als.asn.au>. 2000.
- Dahl 1997 – *Ö. Dahl*. The relation between past time reference and counterfactuality: a new look // A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). *On conditionals again*. Amsterdam, 1997.
- DeLancey 1997 – *S. DeLancey*. Mirativity: the grammatical marking of unexpected information // *Linguistic typology*. 1997. № 1.
- Evans 2010 – *N. Evans*. The grammar of expectation. Handout from the seminar at the LMU Munich, 8 January 2010.
- Givón 1982 – *T. Givón*. Tense-aspect-modality: the Creole prototype and beyond // P. Hopper (ed.). *Tense-aspect: Between semantics and pragmatics*. Amsterdam, 1982.
- Guentchéva (ed.) 1996 – *Z. Guentchéva* (ed.). *L'énonciation médiatisée*. Louvain; Paris, 1996.
- Guentchéva et al. 1994 – *Z. Guentchéva, A. Donabédian, M. Meydan, R. Ramus*. Interactions entre le médiatif et la personne // *Faits de langues*. 1994. № 3.
- Harris 1982 – *M. Harris*. The 'past simple' and the 'present perfect' in Romance // N. Vincent, M. Harris (eds.). *Studies in the Romance verb. Essays offered to Joe Cremona on the occasion of his 60th birthday*. London; Canberra, 1982.
- Hugjiltu 2003 – *Wu Hugjiltu*. Bonan // J. Janhunen (ed.). *The Mongolic languages*. London; New York, 2003.
- Ifantidou 2001 – *E. Ifantidou*. *Evidentials and relevance*. Amsterdam, 2001.
- Johanson, Utas 2000 – *L. Johanson, B. Utas*. *Evidentials: Turkic, Iranian and neighbouring languages*. Berlin; New York, 2000.
- Lazard 1998 – *G. Lazard*. L'expression de l'irréel: essai de typologie // L. Kulikov, H. Vater (eds.). *Typology of verbal categories: Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday*. Tübingen, 1998.
- Lazard 1999 – *G. Lazard*. Mirativity, evidentiality, mediativity, or other? // *Linguistic typology*. 1999. № 3.
- Letuchiy 2008 – *A. Letuchiy*. Сравнительные конструкции, ирреалис и эвиденциальность. // B. Wiemer, V.A. Plungjan (Hrsg.). *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen*. München; Wien, 2008.
- Poppe 1970 – *N. Poppe*. *Mongolian language handbook*. Washington, 1970.
- Plungjan 2001 – *V.A. Plungjan*. The place of evidentiality within the universal grammatical space // *Journal of pragmatics*. 2001. № 33.
- Ramstedt 1902 – *G.J. Ramstedt*. *Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen*. Helsingfors, 1902.
- Skribnik 2003 – *E. Skribnik*. Buryat // J. Janhunen (ed.). *The Mongolic languages*. London; New York, 2003.
- Skribnik 2009 – *E. Skribnik*. Mirativity and the non-finite verb. Тезисы доклада на конференции: ALT VIII, Berkeley, 23–26 July 2009 (<http://lsa2009.berkeley.edu/alt8/program.html>).
- Skribnik, Seesing 2012 – *E. Skribnik, O. Seesing*. Kalmückische analytische Verbalkonstruktionen mit dem Perfektpartizip: Evidentialis und Mirativ // *Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue. Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februar 2012. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 264. Helsinki, 2012.
- Slater 2003 – *K. Slater*. *A Grammar of Mangghuer*. London, 2003.
- Sperber, Wilson 1986 – *D. Sperber, D. Wilson*. *Relevance: communication and cognition*. Cambridge, 1986.
- Street 2009 – *J.C. Street*. On the three past-tense endings of early Middle Mongolian // *Ural-Altaische Jahrbücher. Neue Folge. Bd. 23*. Wiesbaden, 2009.
- Svantesson 2003 – *J.-O. Svantesson*. Khalkha // J. Janhunen (ed.). *The Mongolic languages*. London; New York, 2003.
- Willett 1988 – *T. Willett*. A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality // *Studies in language*. 1988. № 12.

Сведения об авторах:

Елена Константиновна Скрибник
Ludwig-Maximilians-Universität München
skribnik@lmu.de

Ольга Алексеевна Зезинг
Ludwig-Maximilians-Universität München
olga.seesing@web.de